

Закон охотника

Автор:

Дмитрий Силлов

Закон охотника

Дмитрий Олегович Силлов

Снайпер #25

Его зовут Андрей Краев. Он – офицер спецназа с характерным позывным Охотник и предназначением зачищать этот мир от всякой нечисти.

И вот однажды судьба забрасывает Краева в чернобыльскую Зону.

Туда, где скрываются враги, похитившие его девушку...

Которую еще можно спасти.

Но для этого нужно выполнить одно условие...

Убить сталкера по прозвищу Снайпер.

Дмитрий Олегович Силлов

Закон охотника

© Д. О. Силлов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, а также Алексея ИONOва, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «ГАДЖЕТ», «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской Зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Загребельного и Глеба Хапусова за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222»;

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, писателя Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Полуденное солнце зияло в небе кровавой дырой от комбинированной пули. Неважное сравнение, согласен. Но когда видишь чего-то слишком много, поневоле начинаешь узнавать увиденное во всём, что попадает на глаза. Машина неслась вперед, знакомый въедливый голос несся из динамика навигатора, сообщая, что до ближайшего поворота осталось три километра.

Андрею Краеву было всё равно – три или триста. И его абсолютно не волновало, что случится в конце этой дороги. Он был уверен – всё будет хорошо, если этого сильно захотеть.

Много ли нужно мужику для счастья? Не особо много, поверьте. Когда у тебя нормальная тачка, под рукой – хорошее оружие, а рядом с тобой сидит самая лучшая в мире девушка, то о счастье как-то и не мечтается даже. Глупо мечтать о том, что у тебя уже есть. И сейчас Андрею искренне хотелось, чтобы эта дорога не кончалась никогда.

...За поворотом шоссе на обочине стоял фургон. Недорогое авто российского производства, на котором труженики села обычно перевозят сельхозинструменты и мешки с картошкой. В меру обшарпанный, ненавязчиво заляпанный мокрой глиной – ровно настолько, чтобы сотрудник Госавтоинспекции скользнул по нему взглядом и отвернулся: тормозить колхозника с нечитаемыми от грязи номерами – только время зря терять.

Из фургона неторопливо вышел человек в затертом охотничьем комбинезоне. На ногах кирзовые сапоги до колен, на голове – просторный и глубокий капюшон, скрывающий лицо. В руках человек держал брезентовый чехол для удочек еще советского производства. Молния чехла была немного расстегнута, так как он явно не подходил по размеру для своего содержимого – из него торчали наружу кончики двух дешевых бамбуковых удочек. Даже если бы бдительный и принципиальный госавтоинспектор и остановил эдакого персонажа, то, увидев его комбинезон и древний чехол с удочками, которые явно старше самого инспектора, без дополнительных разговоров махнул бы полосатой палочкой – езжай, мол, нищесбродище несчастное, своей дорогой, и чтоб глаза мои тебя не видели.

Тем временем человек в комбинезоне положил на капот чехол с удочками и расстегнул молнию до конца.

Две половинки чехла раскрылись, и стало видно, что кроме удочек в нем лежит длинное устройство странного вида, похожее на ружье, равномерно обмотанное кольцами толстой проволоки, к которому сверху прикреплен прибор, похожий на маленький старинный ламповый телевизор.

Взяв в руки это несуразное и явно тяжелое устройство, человек резко дернул головой назад. Капюшон упал, открыв узкое волевое лицо с внимательными немигающими глазами. Было в этом лице что-то по-волчьи хищное, неприятное, отталкивающее, вызывающее непроизвольное желание отвести взгляд. Вряд ли такие глаза бывают у рыбаков и сельских жителей. Скорее, они встречаются у охотников, привыкших выслеживать добычу...

Из-за поворота дороги выехал дорогой внедорожник и принялся быстро набирать скорость. Когда ты сидишь в такой машине, а перед тобой пустая дорога, грех не побаловать скоростью себя и подругу, сидящую рядом. Для многих счастье так и выглядит – машина, женщина, скорость...

Человек в комбинезоне вскинул странное устройство, нажал одну кнопку, вторую, глянул в экран «телевизора» и, удовлетворенно хмыкнув, вдавил пальцем небольшую скобу, отдаленно напоминающую спусковой крючок.

Проволока, которой было обмотано устройство, ярко засияла холодным белым светом. Меж ее колец часто и зло застрекотали крошечные молнии. Человеку в комбинезоне внезапно показалось, что воздух вокруг него стал плотным и вязким, словно пропитанным невидимым клеем, стянувшим кожу на лице и сковавшим всё тело.

Правда, это продолжалось недолго, может, долю секунды. Внезапно устройство дернулось, и человек едва не выронил его из рук. Проволока больше не сверкала, исчезли молнии, зато там, на дороге, больше не было красивой машины. На ее месте зияло нечто, напоминающее дыру в пространстве, на краях которой потрескивали лазурные молнии. Изуродованное пространство дрожало и грозило схлопнуться обратно. Но молнии, то и дело пробегающие по краям разреза, держали его, словно электрические пальцы.

Явление было странным, пугающим и притягивающим одновременно. Человек вытянул шею, отчего его лицо стало еще больше похожим на волчью морду, прищурился, но не смог разглядеть за границей междумирья ничего, кроме серой травы и серого, свинцового неба, похожего на подвешенную в воздухе гигантскую могильную плиту.

В следующее мгновение раздался треск, хлопок – и дыра в пространстве исчезла, словно ее и не было.

– Наверно, я никогда к этому не привыкну, – усмехнулся человек, щелкая каким-то тумблером на своем устройстве, рядом с которым была прикреплена металлическая табличка с надписью: «Экспериментальный дезинтегратор пространства». – Неудобный агрегат, но идеальный для чистой работы. Тот, кто его изобрел, настоящий гений! Всё-таки иногда ученые людишки – это не только живые сосуды с кровью, но еще и мозги, которые тоже порой бывают полезными, если использовать их не в качестве деликатеса, а по прямому назначению.

* * *

Я устал.

Я смертельно устал быть кем-то.

Меченосцем с предназначением убивать всех, кто не угоден Мирозданию.
Спасителем человечества.

Надеждой для других...

Когда ты постоянно спасаешь кого-то, убивая тех, от кого спасаешь, поневоле однажды задаешься мыслью – а на кой оно всё мне надо? Буду ли я когда-нибудь жить своей жизнью? Для себя, а не для кого-то?

Оказывается, особенно часто такие мысли посещают, когда кто-то убивает девушку, которая любила тебя. И которую, оказывается, любил ты. В основном понимание такого рода приходит после потери. Она к тебе льнет, а ты, сволочь такая, воспринимаешь это как должное. Даже порой кривишься высокомерно, мол, поднадоела она слегка со своей любовью.

А потом раз – и всё. И у тебя на руках ее остывающий труп. А в памяти навечно – глаза. Застывающие. Покрывающиеся прозрачным льдом смерти...

Но это еще не всё.

Ты идешь туда, где можешь вернуть ее к жизни, – и в результате оживляешь другого. Друга. Настоящего. Который просто обязан спасти свою семью. Я знаю,

он их спасет. Он такой. Он всегда добивается своего...

Наверно, я поступил правильно. Как Меченосец. Спаситель других... Но отчего же тогда у меня в голове постоянно, словно надоедливый флюгер, пинаемый ветром, крутится один и тот же вопрос: «Почему ты оживил его, а не её? Почему...»

Такого рода мысли любой мужик всегда гоняет не один, а в компании. С бутылкой. Потому что иначе можно сойти с ума. А с ней – легче. И пусть это не так, пусть потом будет гораздо хуже. Но ведь когда протрезвешь и похмелье начнет разрывать голову изнутри, можно купить еще одну бутылку. И еще одну. И еще... До тех пор, пока не закончатся деньги...

Они у меня были. Когда я выходил из Института аномальных зон, Кречетов догнал меня и сунул в карман пачку купюр.

– Зачем? – спросил я тогда. – И за что?

– Моя жизнь стоит дороже, – хмуро сказал ученый. – Но дело не в этом. Уходи из Зоны, сталкер. Нет у тебя больше ничего. Ни сверхъестественных способностей, ни личной удачи, ни предназначения. А вот недоброжелателей, жаждущих твоей крови, – море. И хотя теперь ни «монументовцы», ни «борги» до поры до времени тебя не тронут, других врагов ты себе тоже нажил немало. Поэтому уходи. Начни новую жизнь...

Я тогда не дослушал Кречетова. Повернулся и ушел. Правда, недалеко. В село Ораное, расположенное в трех с половиной километрах от КПП «Дитятки». Ценное тем, что там был кабак под названием «Второе кольцо», в котором сталкеров обслуживали вне очереди.

Раньше Ораное располагалось между Вторым и Третьим кольцом обороны, окружавшими Зону. Сейчас же от тех колец не осталось вообще ничего. Военные ушли, а местные быстро снесли столбы и разворовали колючую проволоку. И сейчас лишь жиденькое Первое кольцо, еще называемое кордоном, отгораживало мир от Зоны. Там. Далеко. В целых трех с половиной километрах отсюда.

Хозяин кабака, он же бармен по совместительству, как только увидел меня, изменился в лице. Узнал. Что ж, неудивительно. Помнится, в свое время я тут у него нехило пошебуршил – вон на щеке и левой руке хозяина заведения какие значительные шрамы от собачьих зубов остались. Но мне было плевать на то, что там думает обо мне этот усатый любитель кормить клиентов собачатиной. Мне нужно было перестать думать. И я заказал первую бутылку...

Опустела она довольно быстро. Когда тебя так кроет, водка идет как вода. Даже без закуси. Есть не хотелось, да и не стал бы я заказывать жратву в этом заведении, где в соседнем помещении специально откармливают собак на жаркое. Наверно, и водяру в этом кабаке тоже пить не стоило, но сейчас мне было нужно просто забыться.

И я заказал вторую бутылку.

Со второй мне слегка полегчало. Столы, барная стойка, головы мутантов, развешенные на стенах, потеряли четкость очертаний, словно я смотрел на них через мутное стекло. И мысли в голове тоже сделались расплывчатыми, скользкими, не царапающими душу и сердце. Не сказать, что хорошо мне стало, а как-то похрен на всё. Хотя я немного удивился, почему это в кабаке так резко исчезли все посетители. Кроме троих, которые сейчас хором направлялись ко мне, беря в кольцо. А еще за стойкой бара стоял хозяин ресторана, нехорошо скалясь и баюкая в руках короткоствольный охотничий помповик.

Несмотря на то что я довольно основательно нализался, ситуацию оценить всё-таки смог. Невеликий труд для сталкерского мозга, даже отравленного алкоголем. Как говорится, опыт не пропьешь. Стало быть, хозяин «Второго кольца» решил поквитаться со мной за прошлое. Но сразу заняться разборками не рискнул. Подождал, пока я как следует нажрюсь. Потом потихоньку избавился от посетителей и сейчас готовился к вожделенной мести, на всякий случай держа в руках страховку от непредвиденных обстоятельств двенадцатого калибра.

На стол передо мной грохнулись два огромных кулака.

Я с усилием поднял глаза. Ага, знакомая рожа. Повар этого заведения. Помнится, этого кабана я запер в загоне с псами, предназначенными на убой. Если мне память не изменяет, раньше у этого пузатого здоровяка было три подбородка.

Теперь – ни одного, только неровные бугры розоватого мяса на том месте. И вместо рта криво скроенная дырка. Короче, под носом у повара какая-то жуткого вида пластика была наворочена. Похоже, собачки своему палачу нижнюю часть морды отгрызли. Вот интересно, а ко мне-то какие претензии? Не я ж отгрыз...

Мои лениво-пьяные мысли прервал громогласный рёв повара:

– Ну всё, сучара поганая, писец тебе настал!

Один из кулаков оторвался от стола и уехал назад. Ну ясно зачем. Чтоб в лицо меня ударить. А я этого очень не люблю, даже в поддатом виде. Поэтому, чисто чтоб не портить себе пьянку, я дернул рукой с зажатым в ней стаканом, содержимое которого щедро плеснуло в щекастую рожу.

Водка в лицо – это всегда шок. Особенно если в глаза и в ноздри попадет. А я, похоже, не промахнулся.

Мордатый хрюкнул, задохнувшись спиртным, но удар кулака это не остановило. Хотя значительно ослабило. Думаю, если б повар мне со всей дури в нос зарядил, от него б только мокрое место осталось. А так он просто взорвался болью, которая знатно так шибанула по мозгам, выбив из них алкогольный туман, который мгновенно сменился звериной яростью.

Я как-то сразу понял, чего мне не хватало и зачем я на самом деле притащился в этот кабак, где меня совершенно точно никто не любит. Вот за этим самым. За яростью, которая разом затмевает всё – и горе, и дурные мысли, и пьяный угар, которым очень многие мужики глушат негативные эмоции. За всплеском ненависти пришел я сюда, что словно выброс в Зоне сметает всё на своем пути...

На верхнюю губу плеснуло горячей кровью, во рту стало солоно, но это лишь добавило энергии тому всплеску. Схватив за горлышко недопитую бутылку, я со всей силы саданул ею по голове повара, ощутив при этом ладонью хруст трескающегося стекла, а может, и черепа, по которому пришелся удар.

Повар хрюкнул вторично, закатил глаза и сполз под стол. Но оставались еще двое. Которые, увидев такое дело, практически одновременно выхватили из карманов складные ножи.

Хорошо выхватили, правильно. Рывок, щелчок – и в руках у крепких парней полностью готовые к работе «викториноксы». Грамотно продуманные туристические ножики с резучими десятисантиметровыми клинками, специально сконструированными для открытия одной рукой. Ну да, здесь же уже не Зона, где все с оружием ходят. Я то своё тоже в схроне заныкал неподалеку от кордона вместе с рюкзаком, оставив при себе лишь «Бритву». Правда, она сейчас за спиной под курткой спрятана. Пока доставать будешь, эти два гаврика с повадками мастеров гоп-стопа меня сто пудов порежут на лоскуты.

Они и метнулись ко мне одновременно, занося ножи для удара. Высоковато занося, намереваясь резануть со всей дури, чтоб клиент кровью залился сразу и всерьез...

Но я тоже не стоял на месте. Быстро шагнул влево, предплечьем блокируя руку с ножом, – и ударил. «Розочкой», зажатой в кулаке, прямо в лицо противнику.

И вновь в руку отдалось хрустом стекла, крошащегося о лицевые кости. От такого удара морда мгновенно превращается в жуткую кровавую маску. Там же под тонкой кожей куда ни ткни – куча сосудов, которые на повреждение реагируют как наполненная водой грелка, пробитая гвоздем.

Но я не стал рассматривать в подробностях, что там стало с портретом нападающего. Ну его нафиг, неприятная картина. Да и времени нет, особенно когда тебя сзади пытаются ножом пырнуть.

Поэтому я сделал еще один шаг, заходя за спину раненого, – и толкнул его на товарища, рвущегося меня резать.

Упс, как говорят в Америке. Не ожидавший такого поворота товарищ не успел отвести руку и с разгона всадил нож в тело кореша. Глубоко вошло, по самую рукоять.

– Ты чё сделал, урод? – заорал тот, брызжа кровавой слюной из губ, развороченных «розочкой». – Ты чё, млянах, наделал?

– Да я... – потерянно начал было тот, разом растеряв боевой пыл и отпустив рукоять ножа...

И не договорил.

Раненый, разобитый моей разбитой бутылкой и «викторинксом» кореша, торчащим из груди, махнул рукой со всё еще зажатым в ней ножом – и кореш мешком осел на скамью, держась за располозованное горло и пытаюсь удержать кровь, тоненькими струйками бьющую между пальцев.

– Твою ж... мать, – пробормотал убийца, глядя на дело рук своих единственным уцелевшим глазом. – Вот ведь, мля...

И тяжело рухнул на стол, за которым я только что сидел. Ну да, нормальный ход. Естественный, можно сказать. С ножом в сердце обычно долго не живут.

Я облегченно вздохнул – и тут увидел неприятное.

Хозяин «Второго кольца», вскинув помповое ружье, целился в меня. На таком расстоянии из двенадцатого калибра что пуля, что дробь фатальны. В помещении вообще лучше автоматную пулю поймать, чем охотничью, которые нынче за редким исключением экспансивные, то есть разворачивающиеся в теле жертвы наподобие цветка. Вообще современный автоматный калибр 5,45 больше рассчитан на выведение противника из строя, то есть ранение, которое стране противника обходится дороже, чем убийство, – лечить солдата намного затратнее, чем похоронить. А охотничья пуля всегда предназначена для скорейшего убийства зверюшки, чтоб та сама не мучилась и не мучила охотника, которому совершенно неинтересно гоняться за подранком...

Все эти мудрые мысли промелькнули у меня в голове за долю секунды, пока палец бармена выбирал слабинку спускового крючка. Я понимал, что уже не успеваю нырнуть под стол, что черный дульный срез ствола помпового ружья вот-вот полыхнет пламенем, после чего рожа хозяина «Второго кольца» непременно озарится торжествующей ухмылкой...

Не озарилась. Потому что во лбу бармена внезапно образовалось маленькое черное отверстие, а на бутылки, выставленные на многочисленных полках за его спиной, обильно плеснуло красным. Так бывает обычно, когда в район так называемого третьего глаза врезается пуля, которая, пройдя через мозг, выносит нафиг затылочную кость вместе с содержимым черепушки.

Бармен дернулся, ружье выстрелило в дешевую люстру над моей головой, а сам хозяин «Второго кольца» обрушился спиной на полки, после чего в облаке из падающих бутылок упал за стойку.

Я повернулся в сторону входной двери, откуда прозвучал спасительный выстрел.

– Такие дела, упокой его Зона, – сказал человек с пистолетом, перешагивая порог кабака. – Здорово, Снайпер. Признаться, задолбался я тебя искать. И, похоже, нашел вовремя.

– Здорово, Меченый, – сказал я. – Не могу не признать, что на этот раз ктулху принес тебя вовремя.

– Всегда пожалуйста, – хмыкнул сталкер, пряча пистолет в кобуру. – Вижу я, нажрался ты нехило, если стоял столбом и смотрел, как этот свинопапа собирается тебя пристрелить.

– Ты вроде говорил, что меня искал, – поморщившись, проговорил я – всегда неприятно, когда тебя тычут рылом в твой косяк. – И чем обязан, если не секрет?

– Да понимаешь, есть тут одно дельце, – сказал Меченый, спихивая с лавки бесчувственное тело повара и усаживаясь на нее. – И думаю, в свете того, что ты мне только что свою жизнь задолжал, у тебя совести не хватит отказать мне в помощи.

* * *

У него было всё. Девушка, машина, дорога...

Было.

На повороте он слегка притормозил, после чего вновь вдавил в пол педаль газа. Дорогой автомобиль довольно заурчал, словно мощный прирученный зверь, и начал стремительно набирать скорость...

А дальше Андрей даже и не понял, что произошло.

Внезапно пространство перед капотом машины разорвалось, словно тонкая пленка, и в этот разрыв автомобиль влетел на полной скорости...

Потом был мощный удар.

И темнота...

Очнулся он от холода. С усилием разлепил веки, стянутые какой-то коркой, но увидел лишь несколько странных серых травинок, маячивших перед лицом и местами заляпанных ссохшейся кровью.

Он попробовал пошевелиться.

И пришла боль.

Адски заняла рука чуть ниже локтя. Закружилась голова, заломило грудь. Но Андрей давно привык к боли, и эта была не самая страшная из тех, что ему пришлось испытать. Собрал волю в кулак, он сжал зубы, чтоб не застонать, и, поднатужившись, попробовал подняться с холодной земли, на которой лежал.

С третьего раза получилось. По всему организму, словно отравы, разлилась мерзкая слабость. Тело просило отдыха, но Андрей не дал ему такой поблажки. Сначала Краеву надо было понять, что произошло. А также разобраться, куда он попал. Что это за странное место с серой травой, словно специально окрашенной пепельной краской?

И главное – где Маргарита?

Первое, что он увидел, был его автомобиль со смятым в гармошку капотом, врезавшийся в странное кривое дерево без листьев. Но не жутковатое с виду дерево было самым странным в этой картине.

С автомобиля было снято всё, что можно было снять. Двери, колеса, сиденья, обшивка салона... Ничего этого больше не было. Неведомые мародеры оставили лишь искореженный кузов, от которого отодрали даже крышку топливного бака. Понятно, что нечего и думать искать в изуродованной машине оружие и деньги, которые были с собой. Маргариты тоже нигде не было видно. Убили? Утащили с

собой как трофеей? Всё возможно. Но почему тогда не убили либо не взяли в плен его?

Только сейчас Андрей осознал, что на нем нет одежды. Мародеры сняли с него абсолютно всё, прежде чем оставить валяться рядом с останками еще совсем недавно роскошного автомобиля. Сочли мертвым? Или решили, что тяжеловато будет тащить с собой мускулистого израненного мужика, который находится в глубокой отключке и, скорее всего, вот-вот сдохнет? Впрочем, неважно, что там было у них в головах, имеем то, что имеем.

Краев несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул с напряжением, по системе спецназа, заставляя организм включиться в работу. Стало немного легче, хотя и больнее. Жутко заныла голова, которая, похоже, при аварии воткнулась в лобовое стекло, а также лопнула засохшая кровавая корка на распоротой руке. Рана неопасная, но кровит, зараза. Ерунда. С его способностями это так, пустяки.

Андрей поднес руку ко рту и слизнул выступившую кровь. Кровь слизнулась. Но сама рана затягиваться не спешила. Ничего с ней не произошло особенного, разве что алые капли начали снова набухать в ней. И как это понимать?

Уволенный в запас старший лейтенант спецназа Андрей Краев уже успел привыкнуть к тому, что раны у него излечиваются прямо на глазах. Случились однажды в его биографии некоторые события, после которых он обрел способность к практически мгновенной регенерации, а также получил очень специфическое оружие – два коротких меча в предплечьях, способных сливаться в один, более габаритный и многофункциональный[1 - Подробнее об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Кровь Охотника»].

Но сейчас излечиться почему-то не получилось. Оттого, что башкой нехило приложился? Или местность, в которую он попал, так негативно влияет на исцеление? Да кто ж его знает... Ну ладно, а как с мечами?

С мечами тоже было плохо. Сколько Андрей мысленно ни вызывал их, вылезать из ладоней клинки не желали ни в какую, словно и не было их больше в руках...

– Ну, зашибись, – пробормотал Краев, ёжась от холода – промозглый, сырой осенний вечер давал о себе знать. – Ладно. Будем решать боевую задачу тем,

что есть под рукой.

Первым делом, оказавшись в непонятной ситуации, любой подготовленный боец позаботится об оружии. Пусть это будет хотя бы палка или камень. Всё лучше, чем ничего.

Палок и камней вокруг не наблюдалось, зато имелся остов искореженного автомобиля. От него Андрей и отломал зазубренную железяку с острым краем, длиной сантиметров тридцать. Еще б веревку или кусок материи где-то найти, чтоб обмотать противоположный конец, превратив его в подобие рукояти... О, тонкий лоскут кожаной обивки с потолка машины свешивается! Годится.

Оружие получилось корявое, но в руку легло более-менее. Сойдет, в общем, на первое время. Для русского человека в боевой ситуации любое примитивное оружие есть лишь способ раздобыть себе что-то более приличное.

Между тем становилось всё темнее. Но Андрей и в сумерках сумел отыскать следы, которые оказалось не сложно прочесть, ибо мародеры и не думали скрываться.

Их было пятеро. У двоих следы вдавлены в землю глубже, чем у остальных. Ясно, несли Маргариту. Понятное дело, девушка молодая, красивая, знатный трофей для тех, кто не брезгует ничем ради наживы. Главное, чтобы они ничего с ней не сделали... Но об этом лучше не думать.

Следы были относительно свежими, примятая трава еще не успела распрямиться. Сколько он провалялся в отключке? Часа три? Больше? Пока мародеры машину раскурочили, пока загрузились добычей, времени прошло немало. Впрочем, неважно сколько. Потому что Андрей уже нёсся по их следу. И хоть вело его периодически в сторону от слабости, но было понятно: бежать надо по-любому, пока у него есть фора. Ибо тот, кто преследует налегке, всегда быстрее тех, кто идет, груженный под завязку краденым добром.

Пока бежал – разогрелся слегка. Вроде даже и полегче стало. Организм когда лучше всего восстанавливается? Правильно, не когда лежит и охает, а когда борется со своими проблемами. Вот и сейчас Андрей боролся. Стиснув зубы и кулаки, до боли в ладони сжимая своё импровизированное оружие.

«Если только эти гады Риту пальцем тронули... Ох, как же они позавидуют мертвым!»

Мысли – как комары. Вроде и гонишь их, а они всё равно возвращаются. И жалят, и подстегивают, заставляя бежать быстрее. Следы вели в лес, и Краев рванул туда, в чащобу, не раздумывая, по старой привычке продолжая бежать рядом с цепочкой следов, дабы не затоптать. Так учили, и это уже в крови, даже если можно и не соблюдать вбитые в голову правила.

В кустах что-то затрещало, полыхнуло, к Андрею потянулась довольно толстая молния – но не достала. В воздухе запахло озоном. Что это? Блин, и деревья-то какие странные, не сказать что страшные. Без листьев, ветви – словно изломанные щупальца осьминогов. Вообще ни на что не похожие деревья... Впрочем, похрен на них. Главное – не потерять след, который уже еле виден в вечернем сумраке, ставшем еще более густым в лесу.

Не потерял. Впереди забрезжил свет, и Краев перешел на осторожный шаг. Ага, деревянный дом посреди леса, в котором окно светится. И под ним две автомобильные дверцы стоят, к стене прислонены. Вот они, голубчики, недалеко ушли.

Первым побуждением было выбить ногой хлипкую с виду дверь, ворваться в дом, а там уж как карта ляжет. Но Андрей усилием воли придавил в себе эмоции. Поймать пулю в живот можно многими способами, и таким тупым – тоже. Перед любой битвой нужна разведка, воевать без которой значит стопроцентно проиграть. Это ему тоже в спецназе вдолбили. Поэтому Краев осторожно, на полусогнутых подошел к окну и заглянул внутрь.

Так. За столом возле печки-буржуйки двое сидят, жрут чего-то из алюминиевых мисок. Еще один дрова в нее подкладывает. У всех под рукой стволы. У того, с дровами, пистолет на поясе, рядом с остальными на столе лежат обрезы охотничьих ружей. Одеты странно для леса. Тот, что с пистолетом, в кожаной куртке. Те, что жрут, в толстовках с капюшонами, сброшенными на плечи. Явно не охотники. Гопота какая-то, что ли? И оружие странное. У нас в России гопники с обрезами не ходят... И Маргариты не видать. Ладно, разберемся по ходу дела.

– Пойду-ка я до ветру схожу, – сказал один из жрущих, отставляя миску в сторону и поднимаясь со стула.

– Иди, сходи, – буркнул тот, что в кожанке. – И окно открой, проветри. А то пробздели всю хату, не продыхнуть.

– Да ну нахрен, Остап, придумал тоже, пусть закрытым остается, – чавкая, проговорил тот, что остался за столом. – Комары ж потом спать не дадут.

Что ответил Остап, Краев уже не слышал – он, прячась в тени дома, крался к двери. А насчет комаров тот едок прав, сволочь, – у Андрея уже все тело от их укусов чесалось. Но ничего, терпеть осталось недолго.

Дверь открылась, из дома вышел парень в толстовке. Плечистый, зараза. В одной руке обрез двустволки, в другой газета. Постоял на крыльце, зевнул и направился к кустам, что густо росли неподалеку.

Однако не дошел. Чья-то рука закрыла ему пасть, а в шею уперлось острое.

– Пикнешь – зарежу, – сказал на ухо очень спокойный незнакомый голос. – Понял? Если понял, кивни. Так, молодец. А теперь потихоньку двигай к кустам. И не трясись. В штаны навалишь, а мне в них еще ходить.

Первый страх почти всегда парализует. Зато потом может наступить реакция. Кто-то тупо, не думая, бросается бежать. А кто-то вспоминает, что он крутой чувак, которому нельзя зажимать рот и спокойно говорить на ухо, что делать.

Этот, в толстовке, вспомнил. Рванулся, одновременно разворачиваясь так, чтобы воткнуть тому, что сзади стоит, обрез под ребра и нажать на спуск...

Но не вышло. Воздуха не хватило. Справа в шею больно ткнулось острое, послышался треск разрываемой кожи и хруст трахеи, которую легко порвало зазубренное железо. А потом в разлохмаченную дышалку хлынуло соленое и горячее...

Андрей рванул тело за плечо так, чтобы кровь из пробитой артерии хлестанула не на него, одновременно второй рукой выдергивая обрез из разом ослабевшей руки гопника.

– А я предупреждал, – без сожаления сказал Краев, глядя, как оседает на землю умирающий, булькая пробитым горлом. Сожалеть имеет смысл, когда умирает человек. А биомусор, который грабит попавших в беду и ворует девушек, не достоин никаких эмоций, кроме брезгливости.

В воздухе явственно запахло свежей кровью и дерьмом. Когда человек очень тяжело ранен, он почти всегда обдывается – организм рефлекторно очищается от токсинов, чтобы они не попали в кровь. К умирающим это тоже относится.

– Ясно, – негромко сказал Андрей, проверяя обрез советской двустволки ТОЗ-54 на наличие патронов. – Со штанами придется повременить.

Патроны имелись.

«Магнумы»...

– Твою ж мать... – тихо проговорил Краев. И хоть о покойниках говорят или хорошо, или ничего, но не удержался, пробормотав тихо: – Дебил.

Оба курка обреза были взведены, хорошо, что бывший хозяин на спуски нажать не успел. Интересно, он вообще из этого обреза хоть раз такими патронами стрелял? Впрочем, теперь-то какая разница, выбора всё равно не было. Что ж, дело за малым.

Приклад обреза был спилен под пистолетную рукоятку. Ну и ствол укорочен больше чем наполовину, аж цевье на четверть сточено. М-да... Интересно было бы посмотреть на того, кто из настолько кастомного ружья попыбует прицелиться и выстрелить, даже не «магнумом», а чем-нибудь попроще. Скорее всего, не только большому пальцу писец, но и зубам тоже.

Обо всем этом Андрей думал, пока шел к дому. А как к крыльцу приблизился, мысли сразу куда-то делись. Хорошо в голове стало. Пусто. Чем меньше в ней мыслей перед боем, тем лучше. Ничего не отвлекает, остаются только рефлексy.

Краев толкнул дверь.

– Чё, уже продрисстался? – раздался из глубины дома ехидный голос.

– Ага, – сказал Андрей, плотно берясь за обрез обеими руками и входя в комнату. – Раз – и навсегда.

Тот бандит, что сидел за столом, замер, не донеся ложку ко рту. Второй у печки возился, дрова в нее пихал, и даже не обернулся.

Немая сцена продолжалась долю секунды. Тот, что с ложкой возле рта замер, раскрытую пасть захлопнул, после чего его свободная рука метнулась к обрезу, лежавшему на столе.

Но не дотянулась.

Андрей нажал на правый спусковой крючок. Грохнул выстрел, с недетской силой рванувший отдачей обе руки. А голова бандита взорвалась, словно начиненная динамитом, обдав кроваво-мозговой кашей ухо и шею того, что корячился у печки. Да уж, охотничий патрон повышенной мощности – это ни разу не шутка. Вот только руки после выстрела заныли в суставах, будто не из ружья, а из небольшой пушки стрельнул, держа ее на весу. Хорошо еще, что ствол не разорвало.

Работник печки подскочил, словно ужаленный азиатским шершнем в причинное место. И, прижавшись спиной к стене, уставился на Андрея глазами круглыми, как у совы. Вообще-то понять его можно. Когда тебя неожиданно обдает жидким фаршем из мозгов товарища, а потом ты видишь абсолютно голого мужика, целящегося в тебя из обреза, шок как минимум объясним.

– Т-тебе чего н-надо? – заикаясь, промямлил бандит, напрочь забывший о пистолете, висящем на поясе.

– Мне нужна твоя одежда, штаны и ботинки, – сказал Краев, усмехнувшись про себя – похожая сцена из известного фильма вспомнилась. – А еще информация о том, где сейчас девушка, которую вы похитили.

– Дык это... пацаны ее унесли... – трясущимся голосом проговорил допрашиваемый, спешно стаскивая с себя куртку. – Ты только не стреляй,

ладно? Всё скажу и всё отдам.

– Если всё скажешь и всё отдашь, не выстрелю, – кивнул Андрей. – Куда унесли?

– В раболато... то есть в лабораторию. На озеро Куписта, – уже более связно пояснил бандит. Первый страх у него явно прошел, и сейчас он лихорадочно соображал, что делать. Впрочем, пока инфу сливает, пусть параллельно думает. Главное, чтоб ничего такого не надумал, за что придется стрелять по второму разу – старенький обрез, выдержавший первый выстрел, вряд ли справится со вторым. Уже и так видно, что куцый ствол маленько в сторону смотрит. Значительный шат налицо, и это плохо.

– Что за лаборатория?

– Да я хрен знаю, что там за рабо... твою мать. Короче, типа то ли ученые там сидят, то ли военные. И за людей деньги дают хорошие, которые не из Зоны. По пятьдесят косарей.

– Деньги не из Зоны?

Андрей понимал, что уже ничего не понимает. Лаборатория? Ученые? Зона? Что этот тип вообще мелет? Кстати, и камень у него довольно странный на шее болтается – словно крупная капля крови, перевязанная крест-накрест тонким кожаным ремешком. На фига ему под одеждой эти украшения носить? Или снял с кого и теперь всё свое с собой постоянно таскает, чтоб поделники не сперли?

– Да не, люди им нужны не из Зоны, – пояснил бандит. – С Большой земли. По вам сразу видно было, что вы туристы, которые хрен знает как через кордон на тачке проехали и в дерево вписались. Ты в натуре вообще не дышал, а может, Тарас, придурок, мля, хреново тебя послушал. Короче, тебя бросили, а девчонку, я сказал Длинному и Гвоздю, чтоб мухой на Куписту тащили, пока есть такая маза.

– Куписта?

– Ну да, озеро такое. Если отсюда точно на восток идти, то прям к нему и выйдешь. Там у ученых база, они и башляют за людей, которых мы им

доставляем. Потому и торопимся. Оно ж как? Сегодня дают бабло, а завтра скажут: всё, кончилась маза. Но ты не переживай, мы ее даже не трахнули, хотя Длинный хотел. Но я ему сказал, что товар портить нельзя. Помнут девчонку, а потом научники на Куписте скажут, что не кондиция...

– Ты закончил? – поинтересовался Краев, борясь с желанием рискнуть и всё-таки нажать на второй спусковой крючок.

– Да, не видишь, что ль, всё снял, и ботинки тоже. Носки и трусы тоже надо или свои возьмешь? Они вон там, в рюкзаке.

Андрей на автомате перевел взгляд туда, куда указывал грязный палец бандита...

И тут произошло невероятное. Потому, что не может человек за долю секунды преодолеть три метра и выхватить обрез из рук противника. Андрей, может, и посильнее был, но от неожиданности не смог удержать оружие.

– Так то, отмычка зеленая, – усмехнулся бандит, направляя ствол в лицо Краева и одновременно касаясь пальцами свободной руки камня, висящего на шее. – Ты, поди, за такие артефакты и слыхом не слыхивал у себя на Большой земле, лошара? Зря ты в Зону поперся. И братана моего завалил зря...

Конечно, Андрей не стал ждать, пока бандит вдосталь насладится моментом и наметит языком всё, что собрался намолоть. Он рванулся влево, уходя с линии выстрела, но противник оказался на редкость шустрым – резко повел стволом вслед за головой Краева... и нажал на спуск.

Когда стреляешь сам, грохот не так слышен. А вот когда палят в тебя, почему-то оно всегда громче. Может, психологический эффект такой, может, что еще. Но последнее, что промелькнуло в голове Краева, было: «Прости, Рита, не смог я тебя выручить...»

Хмм... Длинная фраза. Которая как-то долго думалась. Пуля всяко быстрее летит, чем такое объемное прощание из семи слов, прокручиваемое в голове...

В следующую секунду Андрей осознал: живой! И даже, похоже, не раненый. Только в ушах звенит изрядно, но от этого не умирают.

А потом он увидел лежащего на полу бандита, из развороченной глазницы которого торчал глубоко всаженный в нее ружейный курок – в кровавой каше был виден лишь его изогнутый кончик. Искореженный обрез валялся рядом. Понятно. Патрон повышенной мощности разорвал старое, изношенное оружие, вогнав фрагмент ствола и оторванный курок в мозг стрелка.

– Вот оно, значит, как, – сказал Андрей, слегка ошарашенный произошедшим – вроде уже и одной ногой на том свете стоял, а нет, удалось ту ногу обратно в этот свет втащить. И тут его внимание вновь привлек камень на груди мертвеца, который неестественно светился, словно внутри него кто-то зажег яркий крошечный фонарик.

Краев подошел, нагнулся и сорвал с шеи трупа странное украшение. Нет, вроде не китайская поделка. Камешек реально светился сам собой, и, что еще более удивительно, покалывал ладонь словно тысячами мелких, невидимых игл.

– Артефакт, – повторил Андрей необычное слово, сказанное бандитом. И попытался поднести камень поближе к лицу, чтобы получше рассмотреть странное переливающееся сияние внутри него. Попытался – и чуть тем камнем себе в лоб не заехал, потому что его рука стала двигаться намного быстрее, чем раньше!

– Охренеть... – только и смог промолвить Краев. Камень реально ускорял движения, чем и объяснялась скорость, с которой бандит метнулся к Андрею и отобрал обрез.

Другой бы, может, и удивился. Но не Краев. Он и покруче повороты видал. И сейчас единственной его мыслью было лишь то, как можно было бы использовать найденное в своих целях.

Связав порванный шнурок, он надел артефакт себе на шею. И сразу почувствовал сильное жжение в области груди, словно ему туда горящий уголек пристроили. И жар от этого уголька стремительно растекся по всему телу, будто выжигая его изнутри! Правда, неприятное ощущение быстро прошло, сменившись приливом бодрости и энергии.

– Годный тоник, – хмыкнул про себя Андрей. И принялся шарить по рюкзакам, которых в доме было больше дюжины.

В своем, как и говорил покойный бандит, Краев нашел одежду, которую с него сняли ныне покойные ловцы удачи. Куртка и брюки оказались изрядно выпачканы в крови, поэтому Андрей предпочел воспользоваться шмотками покойного бандита, только нижнее белье свое надел да ботинки забрал. Приятным бонусом оказались броневставки, вшитые в кожаную куртку покойного. Невесть какая защита от пули, но всё же лучше, чем ничего.

В других рюкзаках Краев нашел толстовку, крепкие охотничьи штаны и тактическую рубашку со множеством карманов. Из оружия Андрей забрал АПС, висевший на поясе незадачливого стрелка, а также целый обрез, лежавший на столе. Правда, подходящих патронов под него в доме нашлось немного, всего четыре штуки. Похоже, бандиты не столько стреляли, сколько пугали жертв, которые были заведомо слабее и при этом не совались к тем, кто был явно сильнее.

Также Краев повесил себе на пояс довольно крупный охотничий нож еще советского производства, изрядно сточенный, но вполне еще годный для того, чтоб и колбасу нарезать, и горло врагу вскрыть. Ну и фонарь с компасом прихватил, куда ж без них в лесу ночью.

А еще в одном рюкзаке, по всем признакам принадлежавшем одному из бандитов, лежала карта. Сильно потертая на сгибах, надорванная с краю, со множеством отметок карандашами, авторучками и фломастерами, но пока еще читаемая. По самому верху карты шла надпись. «Генеральный штаб. Только для внутреннего пользования. Чернобыльская Зона отчуждения. 1986 г.».

– О дела... – пробормотал Краев, припоминая что он знал о чернобыльской аварии. Ну да, случилась она в Украине в том самом восемьдесят шестом. Жуткая катастрофа. Но при чем тут эта карта? Зачем она бандитам? Коллекционный раритет?

Андрей гнал от себя мысль, червячком сверлившую мозг, зачаток понимания того, куда он попал. Гнал – а сам искал на карте то, что ну никак не должен был найти...

И нашел почти сразу, недаром же в спецназе столько оттрубил командиром отделения. Синюю надпись «оз. Куписта».

- Так. Приехали, - тихо произнес Андрей.

Насколько он помнил, в его мире по Чернобыльской Зоне вооруженные бандиты не шастали и для нужд ученых людей не похищали. И о неведомых артефактах, добавляющих людям силы и ускорения, в нем тоже не слышали. Итак, какой вывод?

- Пока что, товарищ старший лейтенант, основываясь на исходных данных, остановимся на том, что тебя не пойми каким макарон перетащило в Украину, - слегка обескураженно пробормотал Краев, суя карту в боковой карман рюкзака, который он прихватил с собой, сложив туда всё необходимое. - Дальше действуем по обстановке.

И вышел из дома. Теперь ему не нужно было идти по следу. Имея четкие ориентиры, российский спецназовец найдет цель не только ночью, но даже с закрытыми глазами.

* * *

- Ну и чего тебе от меня надо? - поинтересовался я, усаживаясь напротив.

- Тут вот какое дело, - сказал Меченый. - Я узнал, что ты Призрака и Клыка убил.

- А я все ждал, когда ты мне это предъявишь, - усмехнулся я. - Было дело, убил. Обоих. Оправдываться не буду. Обычно, когда пытаются убить меня, я пытаюсь защищаться. И оба раза мне повезло больше, чем им.

- Я в курсе, - кивнул Меченый. - Прочитал в твоих романах.

- Ну и что теперь? Будешь мстить за друзей по закону Зоны?

- Не буду, - покачал головой сталкер. - Потому, что это были не они.

– А кто? – удивился я.

– Их копии, – вздохнул Меченый. – Их экспериментальные копии, которых отправили шлаться по Зоне, внушив им, что они и есть Призрак с Клыком.

– Занятно, – хмыкнул я. – А где оригиналы?

– В научном комплексе на озере Куписта, – мрачно проговорил сталкер.

– У Захарова?!!

Моему удивлению не было предела. Благообразный седовласый академик, хозяин лаборатории-крепости, где мне доводилось бывать не раз, вовсе не был похож на злого гения, который держит сталкеров в заточении, лепя с них биологические копии.

– У него, – кивнул Меченый.

– Не верю, – сказал я. – Чтобы Захаров...

– А ты не подумал, откуда взялись те биологические матрицы, благодаря которым Кречетов вернул к жизни двоих твоих корешей? – перебил меня сталкер. – Как их там звали? Данила и Японец, верно?

– Он сказал, что спёр их у Захарова.

– Так. А откуда они у академика?

– Да я почем знаю? – взорвался я. – На то он и ученый, чтобы изобретать всякую научную хрень.

– Ладно, уточню вопрос, – спокойно произнес Меченый. – Из чего, по-твоему Захаров их делает?

– Ну... не знаю, – пожал я плечами. Признаться, вопрос Меченого сбил меня с толку. – А ты, типа, знаешь из чего?

- Знаю, – кивнул сталкер. – Из людей. Из чистых людей.

- Это как «из чистых»? Хорошо пропаренных в баньке?

- Ты же в курсе, что все мы с отклонениями, – не обращая внимания на мой ехидный тон, проговорил Меченый. – Зараженные земли берут свою плату с тех, кто сумел в них выжить. Месяц походил по Зоне, и привет – уже в организме обязательно присутствуют необратимые изменения. Иным и недели достаточно для того, чтобы ощутить их на себе. Не зря же нас на Большой земле мутантами считают. А Захарову для того, чтобы создать биоматрицу, необходим чистый материал, который в Зоне находился сутки-двое, не больше. Без внутренних изменений. Из них он и делает точные копии других людей. Тех, кто хорошо платит. Зарабатывает, сволочь. У него уже очередь на годы вперед. У кого-то из богатеев сын погиб в аварии – и вдруг: о чудо, СМИ наврали! Живо дитяtko, здорово, и уже на новой тачке рассекает. И папа по этому поводу не особо парится. Погибнет чадо – пофиг на это. Достаточно его ногтя или одного волоска для того, чтобы Захаров из биоматрицы слепил богатею нового отпрыска – точную копию погибшего, один в один, даже с тем же набором воспоминаний, какие были на момент смерти.

- Ишь ты... – только и смог проговорить я.

А ведь действительно, Захаров был еще тот коммерсант. Деньги любил и зарабатывал их мастерски! Поди без них отстрой в Зоне такую крепость, что он возвел на озере Куписта. Это ж миллионы долларов, которые надо откуда-то взять! Да и Меченого я знаю давно, он врать не станет.

- Ну, предположим, что всё так, как ты говоришь, – после пары минут раздумий наконец произнес я. – Откуда сведения?

- Есть у меня человек в ближайшем окружении академика.

- Ясно. И что ты хочешь от меня?

- Я уверен, что Призрак и Клык содержатся в лаборатории Захарова, – твердо сказал Меченый. – Академик провел эксперимент, создав две копии известных сталкеров и выпустив их в Зону, – и результат его вполне удовлетворил.

– А то, что я их убил? – поинтересовался я.

– Это не в счет. Главное, что копии получились рабочие, способные к самостоятельным действиям. Так что теперь у Захарова есть два идеальных бойца, из которых можно наштамповать целую армию, послушную воле академика, – достаточно лишь немного подправить копиям мозги, что ему как два пальца об асфальт. И подозреваю, что эти усовершенствованные копии убить будет уже не так легко.

– Легко? – криво усмехнулся я. – Да это чистая случайность, что я их убил, а не они меня[2 - Подробно о столкновении Снайпера с копиями Призрака и Клыка можно прочитать в романах Дмитрия Силлова «Закон Призрака» и «Закон клыка».]

– Это уже в прошлом и потому не особо важно, – сказал Меченый. – По моим данным, сейчас Захаров полностью отработал процесс потокового воспроизводства биоматриц и собирается создать армию послушных ему бойцов с набором навыков легенд Зоны. Представляешь, что это будет?

– Всё что угодно, – сказал я. – От безобидных игрищ на аренах до захвата власти в отдельно взятой стране. Или в нескольких странах. Думаю, имея в наличии такую армию в тысячу биологических копий Призрака и Клыка, дополнительно прокачанных артефактами, можно запросто приглянувшийся материк отжать.

– Вот и я о том же, – кивнул Меченый. – Но дело даже не в этом. Мне как-то по барабану, кто будет рулить тем материком, на Зоне это всё равно никак не скажется. Чисто парней жалко. Раздербанит их Захаров на образцы для своих биоматриц.

– Понятно, – кивнул я. – Можешь не продолжать. Дай-ка я сам попробую догадаться. Поскольку я бывал внутри лаборатории Захарова, я тебе нужен для того, чтоб туда проникнуть и вызволить Призрака с Клыком.

– Тебе не откажешь в дедуктивном мышлении, – хмыкнул Меченый.

– Не-а, нахрен, в Зону я больше не пойду ни за какие коврижки, – мотнул я головой. Мир начал снова подгружать меня своими реалиями, и я почувствовал острую потребность сходить за третьей бутылкой – надеюсь, хоть одна уцелела

после падения бармена, и сейчас валяется на полу за стойкой, дожидаясь меня. Я прям мысленно увидел эту картину...

На лице Меченого катнулись желваки – видимо, не этого ответа он ждал.

– Ладно, если для тебя теперь Долг жизни не аргумент, уговаривать не буду, – жёстко сказал он. – Но учти. Сейчас у Захарова имеется запас биоматриц, который он усиленно пополняет. Плюс технология превращения их в людей по клеточному образцу, которую, в отличие от Кречетова, Захаров отработал до совершенства. Я все равно пойду в ту лабораторию, с тобой или без тебя. И мне плевать на биоматрицы, технологии, на Захарова и на всё, что с ним связано. Моя задача – моих людей спасти. Думаю, ты меня понял.

Я понял. Если Меченый чего-то решил, то обязательно доведет это до конца. И боюсь, что если ему удастся его задумка, от лаборатории Захарова может остаться мокрое место в самом что ни на есть буквальном смысле. Например, котлован, медленно заполняемой мутной водичкой из озера Куписта. Эту картину я тоже мысленно увидел, причем очень четко. И в этом случае мне уже точно не придется рассчитывать на то, что я когда-нибудь смогу вернуть к жизни Рудика и свою Рут – в последнюю нашу встречу Кречетов недвусмысленно дал мне это понять...

В общем, скрипнул я зубами, хрустнул кулаками, усилием воли отогнал от себя образ бутылки, валяющейся за стойкой, и сказал:

– Хорошо. Но с одним условием. Я помогаю тебе спасти Призрака и Клыка, а ты помогаешь мне добыть две рабочие биоматрицы в лаборатории Захарова.

– Договорились, – сказал Меченый.

* * *

Неприятная ночь в этих местах. Холодная, промозглая. Мелкий дождик так и норовит залезть за ворот куртки. Теперь понятно, почему бандиты в толстовках ходят, капюшоны которых пропитаны какой-то водоотталкивающей гадостью: неприятно, когда сырость по спине ползет. И в кустах постоянно какое-то шепуршание. И вой невдалеке жуткий – не человеческий, но и не звериный.

Сколько Краев по горячим точкам шатался, ни разу такого не слышал. Мерзкая ночь...

Но – светлая. Звезд на небе какое-то нереальное количество высыпало, которые просвечивали сквозь тяжелые свинцовые тучи. Такого Андрей тоже нигде не видел, аж фонарь выключил за ненужностью – и без него всё нормально видно. Да уж. Занесло так занесло не пойми куда... Впрочем, это совершенно не повод рефлексировать. Надо Риту спасти, а дальше будем думать, как отсюда вместе с ней выбираться.

Впереди раздался странный звук – то ли похрюкивание, то ли хихиканье. Если бы нервы были поплоче, можно было б от неожиданности кирпичей наложить. Но Краев на нервы никогда не жаловался – в спецуре нервных быстро на гражданку списывают. Поэтому он лишь взвел курки обреза и продолжил движение вперед, разве что немного темп сбавил.

И вовремя.

Навстречу ему из чащи ломанулось что-то кошмарное, размером с медведя. Морда – будто ее в мясорубке прокрутили и то, что получилось, на череп налепили. В той морде, похожей на развороченную кучу дерьма, два глаза торчат. Большие, бессмысленные, круглые, навывкате. Под ними пасть размером с чемодан, из которой на землю капает густая пена. Передние лапы напоминают большие суставчатые когти.

Это то, что Андрей успел рассмотреть прежде, чем чудовище кинулось на него, раззявив свой хавальник и вылупив глаза так, что они того и гляди вывалятся.

– Ну охренеть, – только и успел сказать Краев, поднимая обрез. А еще выстрелить успел. Дважды. Осознавая, что этот разогнавшийся танк вряд ли получится остановить пулей.

И правда, не получилось. Хотя и попал – видел, как черная кровища после его выстрелов хлестанула из морды во все стороны. Но факт остается фактом: эта громадная куча бесформенного мяса продолжала нестись на него.

В армии Андрей не раз проходил обкатку БТРом и танком. И в окопе, и без такового. И лицом вниз, и лицом вверх, при этом искренне не понимая, на фигу

это надо. Ну, разве что проверить воина на предмет, не тонка ли у него кишка. А так-то в боевой обстановке кто в своем уме уляжется на пути бронемашины, точнёхонько под ее пулеметы?

Однако оказалось, что не зря отцы-командиры натаскивали подопечных таким макарон. Пригодилось. Именно сейчас, когда справа деревья, кусты и толстые корни, торчащие из земли, и слева то же самое. То есть не отпрыгнуть. Хотя нет, можно было скакнуть влево, в проплешину, по краям которой густо росли кусты... Но Андрей почему-то не скакнул. Предпочел упасть назад, тренированно скруглив спину и пропуская над собой гнусно хихикающую громадину.

В двух сантиметрах от уха вонзился в землю костяной коготь, после чего Краева обдало невыносимой вонью тухлого мяса и гниющего дерьма. Что, впрочем, не помешало ему лежа на спине сломать обрез, вынуть из него стреляные гильзы, вставить два последних патрона и вскочить на ноги.

Вовремя.

Тварь, поняв, что жертва куда-то делась, уже разворачивалась для повторной атаки. Харя у нее, кстати, еще кошмарнее сделалась. Один глаз выбит, а вторая пуля снесла с черепа порядочный шмат мяса, аж череп видать. Но, похоже, боль твари пофигу. Снова готовится броситься.

Но Краев не стал ждать повторной атаки. Прицелился, насколько это было возможно сделать куцым подобием нормальной двустволки, и больше на интуиции выстрелил дважды, метя в уцелевший глаз.

Конечно, разброс у обреза был – мама не горюй. Одна пуля улетела черт знает куда, но вторая попала туда, куда метил Андрей.

Каким бы крупным и злобным ни был зверь, потеря глаз всегда снижает его агрессию до нуля. Но не в этом случае. Тварь заверещала, завывала страшно и вновь бросилась вперед...

Правда, маленько не рассчитала. Хотела ринуться на Краева, а вместо этого вломилась в кусты, попав страшными передними лапами прямо в ту проплешину, куда Андрей, сам не зная почему, решил не прыгать.

Послышался громкий хлопок. Вверх ударил фонтан крови, и Краев осознал, что вот прямо сейчас две трети огромной туши вдруг исчезли не пойми куда. Будто гигантским ножом отсекали задницу ночного монстра, и она осталась валяться на траве, бестолково суча задними конечностями. А куда остальное делось – хрен его знает.

Отбросив в сторону бесполезный обрез, Андрей на всякий случай вынул из кобуры АПС, в другую руку взял фонарь, включил его и подошел к проплешине, на краю которой билось в предсмертных судорогах то, что осталось от чудовища.

Ничего особенного. Трава примята в этом месте, словно на нее что-то невидимое надавило, имеющее форму морской звезды диаметром метров пять. А в том месте, куда влетел монстр, разве что трава более темная, словно на нее тень упала. И всё. Правда, показалось Краеву, что одна из конечностей этой невидимой «морской звезды» аккуратно так, незаметно потянулась к нему. Там, чуть подалее, травинки вроде как разгибаться начали, а поближе – наоборот, будто на них что-то невидимое и очень тяжелое навалилось.

– Ах ты ж, ехихиньская маханька, – пробормотал Андрей нечто невразумительное, убирая ногу, которой едва не коснулось это невидимое – вроде б выругаться хотел, а от неожиданности вон чего выговорилось. Ладно, бывает. Зато всё понятно. В этом мире, чтобы выжить, главное, вовремя падать, метко стрелять и не забывать под ноги смотреть, дабы не вляпаться к какому-нибудь пакость.

Краев уже понял – это не его мир, не его реальность. Там, где он родился и вырос, в Чернобыльской Зоне нет ни бандитов, ни хихикающих чудовищ, ни артефактов с необычными свойствами, ни странных невидимых пакостей, норовящих расплющить тебя в тень. Похоже, кто-то из тех, кому он в своем родном мире перешел дорогу, решил от него избавиться раз и навсегда. И у него, скотины такой, это получилось.

– Ладно, – угрюмо проговорил Андрей, сверяя с компасом направление. – Вернусь – сочтемся.

И побежал дальше, к озеру со странным названием Куписта, до которого, судя по карте, оставалось не более километра.

* * *

Мы ударили по рукам и поднялись из-за стола. Меченый с сомнением посмотрел на меня.

– Идти сможешь?

– Нет, – сказал я. – Готовь телегу, впрягайся и вези меня в Зону.

– Ясно, – кивнул сталкер. – Глаза вроде не мутные, не качаешься и подкальываешь связно. Значит, не так уж сильно нажрался.

– Тогда и не задавай тупых вопросов, – посоветовал я. После чего сходил за ружьем, из которого в меня целился бармен. Оно как раз в его мозги шлепнулось. Но я человек не брезгливый. Поднял оружие, вытер об штаны хозяина. Годный инструмент для остужения горячих голов с близкого расстояния. Компактный вариант знаменитого «Ремингтона 870» с трубчатым магазином на три патрона и пистолетной рукояткой, который очень удобно из-под барной стойки быстро выхватывать. Правда, в случае с Меченым бармена то удобство не спасло, упокой его Зона.

Патронов для помповика я нашел не много. Всего-то и было их три в магазине, один в патроннике, да пять штук валялись россыпью на специальной полке под барной стойкой, где, собственно, до этого «ремингтон» и лежал. Но ничего, на безрыбье и на том спасибо.

– Свои стволы в Зоне оставил? – поинтересовался Меченый, глядя на мои телодвижения.

– Нет, сплющил в гравиконцентрате и по карманам попрятал, – буркнул я, выдергивая из штанов бармена ремень с целью соорудить из него подвес к ружью. – Как обратно в Зону вернусь, расплющу обратно.

– Ладно, не бесись, – примирительно сказал Меченый. – Сделаем дело – и двигай из Зоны навсегда со спокойной совестью, уплатив все долги.

– Большое спасибо, чтоб я без твоего разрешения делал, – кивнул я, пристраивая «ремингтон» за спину – хорошо, что бармен жирный был, как пивная бочка, и ремень на штанах носил соответствующий. Вот ведь как бывает. Жил человек на свете, паскудил всю жизнь, и единственное, что путного от него осталось, – это длинный ремень, который пригодился кому-то после его смерти. Такая вот, мать ее, философия.

...От Ораного до КПП «Дитятки» было около четырех километров. Как я их оттуда сюда прошел – убей не помню. В думках был, загруженный мыслями, как индийский слон. А вот обратно шлепать своими лапами было так в лом, что, когда мы вышли из «Второго кольца», я об этом Меченому так и заявил:

– На своих двоих я в гробу видал обратно идти. Пойдем глянем, на чем хозяин этой тошниловки продукты возил.

Оказалось, возил на «Ниве», древней, как экскременты мамонта, но ухоженной. Машина стояла сразу за кабаком. Насчет ключей Меченый не парился, а просто стволом пистолета разбил боковое стекло, открыл дверь, сел на водительское сиденье, снял пластиковую крышку на рулевой колонке, поковырялся в проводах – и машина послушно завелась.

– Не потерял навык-то, – удовлетворенно хмыкнул он.

– Навык тачки угонять? – поинтересовался я.

– А хоть бы и так, – немного снисходительно отозвался Меченый. – Сталкер должен уметь всё.

– В том числе трогать проводом стартера соединенные провода батареи, – кивнул я. – Сложная наука, без базара. Замок рулевой колонки разблокировать не забудь, а то уедем прямо вон в тот сарай.

Меченый исподлобья посмотрел на меня.

– Удивляюсь, как я тебя еще не пристрелил, – вздохнул он.

– Это взаимно, – кивнул я. – Ну как, стреляться будем или все-таки поедим?

– Загружайся в машину, легенда Зоны, – скривился сталкер. – Здоров же ты, когда выпимши, языком молоть...

С кабацкого двора мы выехали без проблем – похоже, после выстрела Меченого все, кто его слышал, предпочли свалить подальше. Нормальный рефлекс для Призонья, где совсем недавно за стрельбу можно было получить реальный срок, а свидетелям применения огнестрела грозили долгие и нудные судебные заседания, за неявку на которые можно было самому загреметь в следственный изолятор. Чисто чтоб свидетель был всегда под рукой.

Сейчас, когда Второе и Третье кольцо приказали долго жить, всё это стало неактуальным. А вот рефлекс – остался. Ну это и хорошо, причем для всех. Что преследователям не стрелять, что нам не отстреливаться.

По разбитой дороге, объезжая ямы и колдобины, три километра мы проехали относительно быстро. А потом я увидел какое-то движение впереди и сказал:

– Тормози.

– С какой это радости? – спросил Меченый, всё-таки нажимая на тормоз. Но потом сам разглядел в сгущающихся сумерках нечто странное.

– Давай-ка машину в кустах спрячем и прогуляемся, – сказал я. Напарник возражать не стал.

По обеим сторонам дороги раскинулись поля, заросшие кустами и высоченными сорняками, в которых скрываться – одно удовольствие. Одно время военные пытались выжигать растительность, мутировавшую от близости к Зоне – чисто чтоб сталкеров ловить было сподручнее. Дохлый номер. Горела она плохо, а места, которые удавалось очистить, за месяц вновь зарастали травой высотой в рост человека. Так что к кордону мы подобрались без проблем и, укрывшись в знакомой роще, принялись наблюдать за происходящим.

А посмотреть было на что.

Похоже, новое правительство Украины решило прибрать Зону к рукам. Причем как можно быстрее. Сейчас две бригады рабочих сноровисто ремонтировали

старый периметр и тут же возводили новый. На выходе получалось следующее: два ряда колючей проволоки, меж которыми в пределах обоюдной видимости устанавливались легко собираемые из стальных конструкций пулеметные вышки. Прямо перед нами как раз такая торчала, и сверху уже какой-то хрен в камуфляже устанавливал на станок то ли ПК, то ли «Печенег», отсюда не разглядеть. Впрочем, нам-то без разницы, из чего очередь своей тушкой ловить. Ясно одно – из рожи уже не высунуться.

– Четыре прожектора по углам вышки и два пулемета, – негромко произнес Меченый. – Один в Зону смотрит, второй – в противоположную сторону. Вторая вышка на расстоянии в полкилометра. Третью, которая слева, монтируют и до ночи точно не успеют закончить. Может, влево двинем и проскочим, как совсем стемнеет?

Я покачал головой.

– Там, где они работают, этой ночью света и пулеметов будет побольше, чем здесь. Так что тут пойдём.

– И как, интересно, ты собрался это делать? – поинтересовался Меченый.

Я усмехнулся.

– Помнится, было время, когда ты двигал безумные идеи, а я задавал такие вопросы.

– Похоже, времена меняются, – хмыкнул сталкер.

– Как я понимаю, ты свои стволы тоже в Зоне оставил? – сменил я тему.

– Верно полагаешь, – кивнул Меченый. – Только «макар» с собой и прихватил. Правда, слегка прокачанный фрагментом «кольца».

Я удивленно посмотрел на напарника. Любому известно, что распилить этот артефакт невозможно – при повреждении «кольцо» взрывается, разрушая всё вокруг.

– Не удивляйся, – хмыкнул Меченый. – Это Зона. Тут многое невозможное возможно.

С этим трудно было не согласиться.

...На зараженных землях темнеет быстро. Вроде только что унылые серые сумерки окутывали вышки, маячившие впереди, – и вдруг не успел глазом моргнуть, а уже темнота вокруг и всё небо в звездах, просвечивающих сквозь тучи.

Мимо рощи, где мы скрывались, протарахтел патрульный БТР, после чего на вышках врубили прожектора. Другого я и не ждал. По одному на каждом углу вышки. Два в Зону светят, два – в нашу сторону. Меченый аж зажмурился, когда свет ему по глазам резанул.

– И чего теперь? – спросил он, заслоняя глаза ладонью.

– Теперь я пошел, – сказал я, доставая из ножен «Бритву». – А ты из своего прокачанного «макара» стреляй по прожекторам.

И рванул вперед, прямо под широкий луч света.

Глупо? Возможно. Но я был уверен, что наблюдатель не сидит возле пулемета, положив палец на спусковой крючок, а прохлаждается, покуривая и не ожидая столь нахального штурма заграждения. Я ж не просто так ринулся под пули, а лишь когда заметил красную точку между прожекторами. Хоть и не было у меня больше никаких суперспособностей, но зрение-то осталось. И навыки. А еще я бегать быстро умею, особенно когда живенько так представляю себе, как наблюдатель на мгновение замирает от неожиданности, увидев одинокую человеческую фигурку, бегущую к заграждению, а потом бросается к пулемету.

Сколько у меня было? Секунды три? Больше? Меньше? Ну три-то точно, а дальше уж как повезет...

Позади меня зло тьякнул выстрел. Один. Второй. Третий...

Прожектора не гасли!

Твою ж душу! Неужели правительство расщедрилось и выделило денег на пуленепробиваемые стекла для этих грёбаных фонарей?! Или Меченый тупо мажет – да, эффективная дальность стрельбы из «макарова» пятьдесят метров, но убойная сила пули, выпущенной из него, сохраняется на все триста пятьдесят! Или прокачка карманной артиллерии заключается в том, что с расстояния в сто с лишним метров опытный сталкер не в состоянии попасть в светящийся прожектор?

А между тем сверху над моей головой застучал пулемет. Правда, первая очередь резанула не по мне, а по роце, откуда раздавались выстрелы. Понятное дело, пулеметчик рассудил здраво: этот придурок, что несется прямо под пули, какое-то время провозится возле заграждения, а вот стрелок, палящий по вышке, это реальная опасность.

И ошибся.

Подбежав к забору из колючей проволоки, намотанной довольно часто, рядов в двадцать, я с размаху рубанул по нему «Бритвой» сверху вниз.

Мой нож, способный разрезать пространство между мирами, с задачей справился легко – стальные нити располовиненной проволоки повисли на опорных столбах, открыв проход. Правда, там, за вышкой, тянулся еще один точно такой же забор, но это уже не главное – я был в «мертвой зоне», где меня из пулемета не достать.

Хотя радоваться было рано. Не знаю, сколько времени потребуется наблюдателю с соседней вышки, чтобы сдернуть пулемет со станка и начать поливать меня свинцом. От станка зависит. И от расторопности стрелка. Поэтому мне следовало поторопиться.

Впрочем, я и не собирался медлить. Подбежав к вышке, я рубанул «Бритвой» по стальной опоре. И тут же, обратным движением, по ней же, только на полметра выше.

Толстый кусок стального профиля упал на траву. А я уже бежал ко второй опоре, слыша, как закрипела, заныла вышка и как страшно заматерился пулеметчик над моей головой, когда пол под ним начал медленно заваливаться в сторону.

Но медленно – это не мой случай. Мне надо было быстро. Поэтому я подбежал ко второй опоре, в ускоренном темпе проделав с ней то же самое. Два удара ножом – и я еле успел отскочить в сторону, когда семиметровая конструкция начала стремительно заваливаться набок.

Отлично. Прорубить проход во втором ограждении – дело одной секунды. Интересно, хватило у Меченого личной удачи и соображалки скрыться за деревом и не поймать пулю, когда наблюдатель начал стрелять?

Хватило. Подбежал, выдохнул:

– Я в порядке.

– Поздравляю, – бросил я.

И ринулся вперед.

В Зону...

Тут всё было знакомо, хожено-перехожено не единожды. От КПП «Дитятки» шло старое, раздолбанное шоссе, к которому мы и вышли примерно через четверть часа. Если налево свернуть, то можно попасть в логово Жмотпетровича – бывшего моего работодателя, с которым было о чем побеседовать. Но это попозже, сперва дело.

Справа стеной стоял лес, в который лучше не соваться. Разве что на самом краю чащи костерок развести, в неглубоком овраге, где можно переждать ночь, так как даже опытным сталкерам в темноте по Зоне шастать не рекомендуется. Вредно для здоровья. О чем мы с Меченым и договорились. Ночуем – и с рассветом выдвигаемся сначала к нашим оружейным схранам, а после к логову Захарова.

Судя по тому, как было утоптанно дно оврага, не мы первые в нем решили привал сделать. Ну а что, место приличное. И не дует, и огня со стороны не видать. Веток мы набрали быстро, костерок развели тоже оперативно. Я вскрыл банку тушенки, которую прихватил во «Втором кольце», Меченый сделал то же самое. Особо мы продуктами не затаривались, как чувствовали, что побегать придется.

Только и взяли, что по консерве да по армейской фляге с водой.

Меченый свою тушенку вскрыл с потерями – пока ножом орудовал, взрезая крышку, слегка порезался. Бывает. Нервы и всё такое. Слизнул выступившую каплю крови, усмехнулся:

– Ну вот, добежался, руки трясутся.

Я понимающе усмехнулся. Потом съел содержимое своей банки, выпил полфляги воды, завинтил крышечку, повесил флягу обратно на пояс, взял «ремингтон» и, наставив его на Меченого, сказал:

– Покушал? А теперь держи руки так, чтобы я их видел. И рассказывай.

Меченый от неожиданности чуть тушенкой не подавился. Выпучил на меня глаза и завис на секунду с ножом в руке. Чем лишний раз убедил меня, что я всё делаю правильно.

– Ты ствол-то убери, – наконец выговорил сталкер. – Если поговорить хочешь, то это можно и без него сделать.

– С Меченым – можно, – согласился я. – А с тобой – нет. Поэтому очень плавно отбрось нож в сторону и начинай рассказывать. Дернешься – для начала отстрелю левый локоть и дам жгут из аптечки. Потом, когда его наложишь, но всё равно говорить не захочешь, придется тебя пристрелить. Кто бы ты ни был, думаю, жить-то все равно хочешь. Поэтому говори.

С лица Меченого медленно сползло выражение крайнего удивления, которое сменилось раздосадованной усмешкой.

– И где же я прокололся? – спросил он, отбросив нож на пару шагов в сторону и поставив на землю недоеденную банку с тушенкой. К застегнутой кобуре с пистолетом, висящей на поясе, не потянулся, будто ее и не было. И это хорошо. Для него.

– Засомневался я еще в баре, – сказал я, – когда ты мне напомнил о том, что я тебе должен. Мы с Меченым давно уже перестали считаться, кто кому сколько

раз жизнь спасал. Но это можно было списать на то, что тебе очень было нужно спасти друзей, а для этого все средства хороши. Потом меня заинтересовал пистолет со встроенным в него фрагментом артефакта. Хотел я спросить, откуда он у тебя, потому что такое оружие можно собрать только в лабораторных условиях. И сделать это могли только Кречетов или Захаров. Ну ладно, и это можно списать на трофей, который ты отнял у одной из шестерок того или другого – спроси я, ты бы мне так и ответил. Потом была вышка, где ты, поняв, что прожектор разбить не получится, не пристрелил наблюдателя. Меченый на это только два патрона бы потратил. Первая пуля в прожектор. Не получилось – вторая в пулеметчика. Ты же четыре патрона сжег впустую.

– А если я, поняв, что ты задумал, отвлекал часового? – предположил сталкер.

– И это может быть, – кивнул я. – Но настоящий Меченый никогда бы не порезался, вскрывая консерву. Нереально это. И не офигел бы от направленного на него ствола. Не верю, как сказал бы один великий режиссер. Так что колись, кто ты и зачем я тебе нужен, не испытывай мое терпение.

Сталкер вздохнул. Хрустнул кулаками. Потом сказал:

– Очнулся я в стеклянном гробу. Не поверишь – ни хрена не помню, дурак дураком.

– Поверю, – кивнул я. – Дальше.

– Дальше гроб открыл седой, но жилистый и подвижный дедок в синем халате, наброшенном поверх делового костюма. Поморщился, тихонько пробормотал себе под нос что-то типа «да, похоже, переборщили мы с коррекцией памяти». И укол в плечо сделал, после которого я снова отрубился.

В себя пришел на больничной койке. Тот дедок снова приперся, объяснил мне, что я сталкер, у которого после взрыва отшибло память, и зовут меня Меченым. Только я насчет коррекции-то всё слышал, и так ему и вывалил – мол, брешь ты всё, старый хрыч, сам мне мозги промыл, а теперь сказки втираешь. Дедок улыбнулся и сказал: «Посмотрись сначала в зеркало. Запомнил, как ты выглядишь? А теперь пойдём».

И показал мне еще один стеклянный гроб, в котором лежал чувак – точная копия меня. Дедок и говорит: «Ты, парень, его клон. Копия, которых я могу наштамповать кучу. Призна?ю, копия не совсем удачная. Не все рефлексy прописались, да и с коррекцией памяти мы перестарались, пришлось заново всю матрицу накладывать. Но в целом ты вполне себе жизнеспособный образец, достойный заменить его».

И снова на гроб показывает.

«А он чем не устраивает?» – спрашиваю.

«Всем устраивает, – отвечает дедок. – Только работать на меня не хочет. И поскольку нервная система у него мутировала, ничего я с этим поделать не могу – всё-таки моя аппаратура на людей рассчитана, а он уже не совсем человек. В отличие от тебя. Так что если жить хочешь, то должен ты выполнить одно задание: привести ко мне сталкера по имени Снайпер».

«Ну, а если я откажусь?»

Дедок плечами пожал, усмехнулся и говорит: «Тогда мне придется утилизировать тебя прямо здесь. А если ты согласишься, но потом решишь меня обмануть, то придется мне активировать одно устройство, которое я встроил в твое тело. Поверь, его действие тебе совершенно не понравится». Почему-то мне кажется, что дедок не врал.

– Мне тоже, – задумчиво сказал я. – В целом ситуация ясна. Для полного комплекта легенд Зоны Захарову не хватает меня. Нет, конечно, и другие есть, но, видимо, его интересует только наша четверка.

– Что?

– Ничего, – сказал я. – Ладно, спасибо за честный рассказ. Здесь наши пути расходятся. Сиди, отдыхай, грейся, а утром решишь, как дальше жить...

Договорить я не успел.

В ночной темноте разом со всех сторон раздалось многоголосое хриплое рычание. Я вскочил на ноги, псевдо-Меченый тоже.

- Что это за твари? - довольно ровным голосом спросил он, расстегивая кобуру и вытаскивая из нее пистолет. Хорошо себя ведет, спокоен, сосредоточен. Ему бы пару-тройку дней в Зоне пообтереться, глядишь, навыки прототипа проснулись бы окончательно, и стала б эта неудачная копия моего кореша нормальным сталкером.

- Безглазые псы, - сказал я. - Собаки-зомби. Как появятся, стреляй в голову. Только так их можно остановить.

- Понял, - кивнул псевдо-Меченый, снимая с предохранителя свой «макаров»...

Они появились одновременно. С двух сторон посыпались в овраг, скалясь полусгнившими пастями, над которыми зияли гноящиеся дыры, где когда-то находились глаза. Впрочем, органы зрения были не нужны этим четвероногим зомби. Они чувствуют живую плоть, даже когда полностью лишены глаз и обоняния. Возможно, потому, что обычно такую стаю ведет вожак, который управляет ею ментально, силой мысли.

Их было много. Штук двадцать, не меньше. И я понял, что это конец. Пока ты будешь стрелять в одну, трое повиснут на ногах, и одна непременно прокусит бедренную артерию - безглазые псы хорошо знают, куда нужно вонзать клыки, чтобы побыстрее вывести жертву из строя. Или вожак знает... Что, впрочем, для жертвы несущественно.

Но я стрелял - не подышать же тварью дрожащей, мечтающей лишь о том, чтобы всё побыстрее закончилось, и подставляющей горло под гнилые клыки. И стрелял эффективно. С такого расстояния трудно промахнуться.

Первая псина, прыгнувшая в овраг, упала в него с лохмотьями кожи на шее, оставшимися от башки, - на расстоянии в три метра «ремингтон» страшен в своей убойной силе, особенно когда патроны снаряжены экспансивными пулями, расширяющимися в диаметре при контакте с целью.

Вторая поймала пулю пастью. В результате от головы осталась лишь нижняя челюсть, все остальное улетело в темноту. Третья и четвертая сдохли с

похожими результатами.

А потом у меня закончились патроны, и я выхватил из ножен «Бритву», готовый сносить ножом гнилые головы до тех пор, пока собаки-зомби не отгрызут мою... но внезапно обнаружил, что меня никто не атакует!

Все оставшиеся безглазые псы ринулись к псевдо-Меченому. Он тоже стрелял, и довольно результативно – две собаки с простреленными головами забились в конвульсиях. Но остальные повисли на сталкере. Он убил еще одну, всунув ствол ей прямо в пасть и нажав на спуск. Но из его прокушенной бедренной артерии уже хлестала кровь, заливая штаны и берцы, и через секунду под весом мутантов копия Меченого рухнула на землю.

Да, я бы мог броситься в эту кучу и убить еще двух-трех безглазых псов. Но это было бесполезно. С порванной бедренной артерией человек живет не более двух минут, и спасти его можно, только если рядом вдруг каким-то чудом окажется операционная с хирургом, уже готовым к немедленным действиям. То есть никак. Ну и зачем строить из себя героя, когда можно просто облегчить страдания того, кого жрут заживо?

Поэтому я сунул «Бритву» обратно в ножны, загнал патрон в магазин «ремингтона», дослал его, рванув цевье, и выстрелил. За мгновение до выстрела я увидел глаза псевдо-Меченого, понявшего, куда я буду стрелять. И в этих глазах была благодарность.

А потом этих глаз не стало, как и половины черепа сталкера, снесенного экспансивной пулей.

Загонять в магазин новые патроны времени не было, поэтому я перехватил короткое ружье на манер дубины и приготовился дробить им гнилые головы, уверенный, что безглазые псы сейчас бросятся на меня...

Но не тут-то было.

Как только от головы сталкера осталась лишь нижняя половина, мутанты резко потеряли к нему интерес и хором полезли назад из оврага. Странно...

Я поднял голову.

На краю оврага стояла громадная собака и неотрывно глядела на меня. Не скалилась, не рычала. Просто смотрела. Вожак. Из тех, что ищут в Зоне безглазых псов и создают из них послушные стаи, беря четвероногих зомби под свой ментальный контроль. Однажды я убил такого монстра, явно собравшегося пообедать свежей человечинкой, после чего стая мутантов просто разбежалась кто куда.

Но сейчас огромная тварь явно не собиралась атаковать меня. Просто смотрела глазами, похожими на две маленькие видеокамеры, передающие информацию куда-то...

И тут я вспомнил то, что сказал мне псевдо-Меченый о последнем напутствии Захарова: «Если ты согласишься, но потом решишь меня обмануть, мне придется активировать одно устройство, которое я встроил в твое тело. Поверь, его действие тебе совершенно не понравится». Вот, значит, как. Захаров «вёл» созданную им копию Меченого всё это время. И поняв, что его затея провалилась, просто ликвидировал ее, включив вживленный в тело копии прибор, привлекающий мутантов. Только вопрос – каких? Всех, что были поблизости, или лишь тех, кого Захаров обработал, превратив в биороботов, послушных его воле? И сколько еще бродит по Зоне таких вот машин для убийства, послушных воле академика?

Признаться, я был впечатлен. Всегда считал Захарова эдаким безобидным ученым, который, конечно, себе на уме, но в то же время особого вреда от него ждать не стоит. Похоже, я сильно ошибался. Очень сильно...

Между тем вожак демонстративно повернулся ко мне обрывком хвоста и ушел, уведя за собой стаю. И скорее всего, мне только показалось, что в последний момент на хищной морде кошмарной твари появилось нечто похожее на издевательскую ухмылку. Скорее всего...

* * *

– Ну, что скажете, профессор?

Тот, кого назвали профессором, пожал плечами, глядя на один из многочисленных мониторов, которыми была увешана вся стена небольшого помещения.

– Чисто сработано, – наконец произнес он. – Убить троих фактически без оружия и даже без одежды...

– А при чем тут одежда?

– Видите ли, господин Захаров, при наличии отсутствия таковой любой обычный человек чувствует себя... голым. То есть прослеживается неуверенность в его движениях, действиях, взгляде, походке. А этому типу всё равно, есть она на нем, нет ее... Вооружен он или нет, тоже его не особенно волнует. Он даже не убивает, а просто устраняет препятствия. Такой безэмоциональный подход к ликвидации людей характерен для высококлассных специалистов подразделений специального назначения.

– М-да, господин Шаров, не зря мы в свое время увешали видеокамерами всю Зону в радиусе пяти километров от нашей лаборатории, – усмехнулся Захаров. – Ну, и что вы предлагаете?

– Он чистый, – пожал плечами профессор Шаров. – На зараженных землях находится не более пяти часов, мутагенные факторы Зоны еще не успели как-то повлиять на клеточную структуру его организма. Я не знаю, каким образом он сюда попал, но, так или иначе, это отличный материал для очередной матрицы.

– Для матрицы говорите? – задумчиво произнес академик Захаров. – Может, и для матрицы. А может, и еще на что-то сгодится.

* * *

Андрей выглянул из-за кустов, густо росших на краю леса, и задумчиво почесал в затылке.

Там, метрах в трехстах впереди, находился ДОТ размером с небольшой город. Монолитная конструкция напоминала гигантскую перевернутую чашу, из стен которой вырастали многочисленные антенны и не менее многочисленные стволы

пушек и пулеметов, торчащие из бронеколпаков, установленных на крыше.

Неподалеку от ДОТа раскинулось озеро с многочисленными прямоугольными островами автомобилей, наполовину скрытых под водой, отчего его поверхность напоминала «рубашку» гранаты Ф-1.

– Нехило, – пробормотал себе под нос Андрей. И, заняв позицию поудобнее, принялся наблюдать, ибо бросаться под пулеметы без разведки есть дело неблагодарное.

Для доступа внутрь в бетонную стену ДОТа были встроены монолитные бронированные ворота, через которые при желании мог бы танк проехать. Разумеется, закрытые. Но в самих воротах имелась дверь меньших размеров, а в ней – окошко, прикрытое створкой, которая сейчас была откинута наружу, образуя нечто вроде небольшого столика. Возле столика переминался тип, одетый примерно так же, как и Андрей. Куртка поверх толстовки, на голове – капюшон, свободные штаны, на ногах берцы. За спиной типа висел модернизированный «калашников» с деревянным прикладом. Тип возмущенно тряс верхними конечностями, что-то доказывая тому, кто находился по ту сторону двери, потом махнул рукой, взял то, что дали, повернулся и пошел, на ходу считая купюры и матерясь так, что даже Андрею было слышно.

Понятно. Что-то продал не за те деньги, на которые рассчитывал. Неважно что, главное – в ДОТе покупают не только девушек. Что ж, возможно, это и есть ключ от стальной двери, за которой, скорее всего, и находится Маргарита.

Андрей не спеша вышел из леса и направился к укреплению, отметив про себя, что один из бронеколпаков, снабженных пулеметом, неторопливо повернулся в его сторону. Краев понимал: сейчас его внимательно изучают, и если что-то не так, пулемет тявкнет раза три – и всё, приехали. Неприятное ощущение. Но идти-то все равно надо, другого выхода по-любому нету.

Пулемет не тявкнул. Видимо, того, кто стоял за ним, устроил внешний вид Краева.

Андрей подошел к окошку, расположенному на уровне груди. Небольшой квадрат, примерно полметра на полметра. Теоретически, конечно, девушку в него пропихнуть можно, но на практике – вряд ли. То есть для доставки внутрь

габаритного товара, скорее всего, просто открывают дверь.

По ту сторону двери стоял кто-то в странном облачении: оранжевый защитный костюм, похожий на ОЗК, только вместо противогаза – овальное бронестекло во все лицо. Никогда ничего похожего Андрей не видел, хотя много где побывал за время службы.

– Что вы хотели? – прозвучал из окошка глухой голос, измененный мембраной. Похоже, у костюма то ли встроенная система фильтрации воздуха, то ли вообще дыхательная смесь подается из баллонов за спиной, как у аквалангистов – на груди хозяина костюма висела какая-то прямоугольная штуковина, от которой за спину уходили брезентовые лямки. Вполне может быть замок, фиксирующий те самые баллоны. Интересно, зачем такие меры безопасности? Хоть и воняет от озера дерьмом и гнилью, но перетерпеть вполне можно. Впрочем, без разницы. Главное – цель.

– Продать хочу, – сказал Андрей.

– Что продать? – недоверчиво поинтересовался оранжевый.

– Артефакт, – нашелся Краев, вспомнив необычное слово, больше подходящее для каких-нибудь фэнтезийных романов.

– Какой именно?

Андрей расстегнул куртку и показал трофей, висящий на шее. Оранжевый, увидев светящийся камешек, придвинулся ближе к окошку.

– Это у вас что, ускоритель?

Хоть его голос и был изрядно искажен мембраной, в нем всё равно явственно слышалось волнение.

– Может, и так, – сказал Андрей, тоже подходя поближе к окошку.

– Простите, не могли бы вы снять артефакт и показать товар, – попросил оранжевый.

– Ну да, я сниму, тебе отдам, а ты его хвать – и поминай как звали, – с нарочитой ленцой в голосе проговорил Краев.

– Вы что, не в курсе, куда пришли? – возмутился барыга в странном костюме. – Ну да, я вас раньше не видел. Похоже, вы в Зоне новичок, из тех, кому везет до первой аномалии. Если это у вас действительно «ускоритель», я дам вам за него очень хорошие деньги. Но прежде я должен убедиться в качестве товара.

– Ну на, убеждайся. Только в руки не бери, – не снимая камень с шеи, Андрей немного наклонился и подался вперед, коснувшись лбом холодной стальной бронезаклепки на двери.

Оранжевый инстинктивно тоже подался вперед, бормоча что-то про сталкеров, не понимающих элементарных вещей.

И не успел отшатнуться назад, когда Краев быстро протянул руку, схватил оранжевого за ляжку и рванул на себя.

Не ожидавший такого обращения, барыга не удержал равновесия и нехило так треснулся об дверь бронестеклом, в которое следом с другой стороны впечатался лоб оранжевого. Андрей увидел его глаза, большие от изумления, боли и страха. Страх – это хорошо. Когда клиент боится, обычно он быстро становится сговорчивым.

Свободной рукой Андрей достал нож из чехла на поясе, просунул его сквозь окошко, без особых усилий прорезал клинком дыру в костюме под бронестеклом и коснулся лезвием шеи барыги.

– А сейчас ты просто откроешь дверь, – скучным голосом проговорил Краев. – Или я тебе перережу горло. Выбирай.

– Это... это бессмысленно, – прохрипел оранжевый. – Вам не уйти отсюда. Пулеметы...

– А вот это уже не твоя забота, – улыбнулся Андрей.

– Я... я не открою вам, – попытался рыпнуться торгаш. – Убивайте!

– Ладно, – пожал плечами Краев.

И надавил на рукоять. Несильно. Так, чтобы прорезать кожу, и, потянув нож на себя, сделать длинный, но неопасный разрез. На шее довольно много мелких кровеносных сосудов, которые, будучи поврежденными, дают нехилое кровотечение. Не настолько обильное, как если лоб порезать или артерию вскрыть, но вполне себе жуткое с виду и по ощущениям.

Андрей знал, что сейчас чувствует оранжевый – как от шеи вниз по телу течет горячая кровь. И что у него в голове творится, тоже знал. Жаль, конечно, придурка, решившего поиграть в героя, но иначе Маргариту не спасти.

– Я... умираю?

В голосе оранжевого была паника, при которой у некоторых лиц мужского пола, которым никогда не били по лицу, может случиться долговременная потеря сознания. Поэтому Андрей встряхнул торговца и сказал:

– Пока нет. Но если продолжишь страдать героизмом, то умрешь непременно.

Оранжевый, видимо, наконец понял, что этот тип с каменным лицом шутить не намерен. Поэтому протянул руку и набрал на внутреннем электронном замке комбинацию цифр. Послышался щелчок, затем гудение – дверь медленно начала открываться.

– Отпустите, – дрожащим голосом проговорил торговец. – Мне срочно нужна перевязка.

«Блин, и в каком инкубаторе таких слизняков выводят?» – подумал Андрей. Ведь все мы рождаемся одинаковыми пищащими комочками мяса. А вырастают из них совершенно разные индивиды. В том числе и такие, наверняка считающие себя мужчинами. Тьфу, блин...

Краев не стал ничего отвечать, но когда между стальным косяком и краем двери образовалась щель, достаточная, чтобы в нее протиснуться, он, отпустив оранжевого, в нее и протиснулся. После чего двинул торговцу коленом в пах, а когда тот согнулся, рубанул ребром ладони сверху по шее, под край шлема.

Несильно, чтоб не убить, но и вполне достаточно, чтоб торгош ткнулся шлемом об бетонный пол и затих. Минут на десять. Как раз за это время порез сам затянется и перестанет кровить. Жестоко? Может быть. Но всяко лучше, чем покупать девушек. Да и деваться было некуда – иначе б оранжевый как пить дать тревогу поднял. А так у Краева был хоть какой-то шанс отыскать Маргариту раньше, чем охрана этой бетонной скорлупы встанет на уши. А в том, что она тут присутствует, и в большом количестве, Андрей не сомневался.

Правда, через пару минут он пожалел, что не взял торгоша с собой в качестве ходячего путеводителя. Внутренность ДОТа представляла собой лабиринт коридоров, пересекающихся самым немислимым образом. Ну и, само собой, в стены этих коридоров были вделаны двери. Стальные. Которые и направленным взрывом не факт что откроешь.

– Вот ведь, ехихиньская маханька, – пробормотал Краев замысловатое псевдоругательство, которое, однажды случайно слетев с языка, зачем-то осталось в памяти.

И правда, положение было не ахти. Пистолет Андрей, конечно, из кобуры достал, но в деле открытия таких дверей он был явно не помощник. Да и куда идти? На каждой из дверей никаких табличек, разъясняющих, что там за ней находится. Только номер. И всё. Краев подергал за пару-тройку стальных ручек. Закрыто. Блин...

До конца очередного коридора и начала следующего, пересекающего его под прямым углом, оставалось метров десять, когда сверху, под потолком что-то зажужжало. Андрей поднял голову... и увидел две разошедшиеся в стороны потолочные панели, меж которыми торчал пулеметный ствол, направленный прямо в лицо нежеланного гостя. А когда Краев, впечатленный увиденным, опустил глаза, то дополнительно обнаружил шестерых автоматчиков в тяжелых штурмовых бронекостюмах.

Они вышли из перпендикулярного коридора и теперь целились в Андрея из очень неприятных автоматов АШ-12. Понятно. Одна секунда, и то, что останется от Краева, можно будет соскрести со стен и пола. Ну и чего они, интересно, не стреляют? Проникни кто-то на объект, охраняемый Андреем, и порежь этот кто-то его товарища, о нарушителе уже бы напоминала лишь свежая зарубка на прикладе.

Однако автоматчики стояли совершенно неподвижно, похожие на черные статуи в круглых шлемах, за тонированными бронестеклами которых не было видно лиц. Правда, через несколько секунд из-за их широченных фигур, перегородивших коридор словно живой забор, вышел невысокий седовласый человек в синем халате, надетом поверх делового костюма. Причем что интересно – два автоматчика, стоявшие по центру, синхронно сделали шаг в сторону, пропустили седовласого и вновь вернулись в исходное положение. Причем Краев мог поклясться, что команды расступиться не было. На затылке, что ли, глаза у этих странных бойцов, умеющих стоять совершенно неподвижно и делать одинаковые синхронно-зеркальные движения.

– Здравствуйте, молодой человек, – как ни в чем не бывало произнес человек в халате. – Позвольте представиться. Моя фамилия Захаров. Академик Захаров. А как вас величать?

– Андрей Краев, – буркнул Андрей, переваривая столь неожиданный поворот событий.

– Просто Андрей Краев, – усмехнулся академик. – Без звания, рода войск и тем более номера отдельной бригады специального назначения? Впрочем, это и неважно. Ваши действия говорят сами за себя. И я примерно догадываюсь, зачем вы пришли в мой скромный храм науки. Не хотите прогуляться со мной в одно место, которое, думаю, вас должно заинтересовать? Правда, для этого придется сдать оружие.

Под прицелом шести автоматов и потолочного пулемета спорить было по меньшей мере глупо. Андрей поставил пистолет на предохранитель и положил его на пол. Рядом лег трофейный нож.

– Вот и отлично, – кивнул Захаров. – Я был уверен, что вы благоразумный молодой человек. А теперь пойдете. На кибов не обращайтесь внимания, без моей команды они стрелять не станут. Правда, если вы надумаете свернуть мне шею, что для вас, не сомневаюсь, не составит большого труда, будьте уверены, что они успеют сработать на опережение. Поэтому очень попрошу вас не делать резких движений во избежание неприятных инцидентов.

– Не имею привычки убивать пенсионеров, – буркнул Андрей, весьма недовольный происходящим. Да и вряд ли какому-то, пусть даже бывшему

командиру спецподразделения понравится, когда его берут врасплох, интеллигентно разоружают, а потом очень вежливо объясняют, что случится, если он попробует чихнуть.

– А вам не откажешь в чувстве юмора, – хмыкнул академик. – Почему-то мне кажется, что мы с вами найдем общий язык.

– Время покажет, – уклончиво отозвался Краев.

...Они шли недолго, но извилисто. Коридорная система бункера была явно рассчитана на то, что нежелательный гость непременно должен заблудиться и так или иначе попасть под огонь потолочных пулеметов. Андрей теперь уже без труда различал на потолке скрывающие смертоносные сюрпризы особые панели по следам от их движения туда-сюда по направляющим. Почти незаметным, но, тем не менее, имеющим место быть.

Наконец академик остановился перед одной из дверей, прижал палец к маленькому окошку над стальной ручкой, после чего массивная бронированная преграда неслышно отворилась.

– Прошу, – Захаров сделал приглашающий жест.

Андрей перешагнул порог.

Ну да, что-то подобное он и ожидал увидеть. Белые стены, белый потолок, белый кафельный пол, вымытый до снежной чистоты. И приборы, приборы, приборы... Большие и маленькие, назначение которых непосвященному человеку понять совершенно невозможно.

– Вот оно, моё капище, в котором я главный шаман, – потирая руки, проговорил Захаров, радуясь неизвестно чему. При этом ни Андрей, ни охрана, именуемая странным словом «кибы», его веселья не разделили. Те так вообще, войдя в лабораторию, вытянулись у входа по стойке «смирно». Как собаки, которым можно в дом не дальше порога.

«Хрен знает вообще, люди это или машины», – подумал Андрей. Впрочем, кибы остались торчать там, где им было положено, а Краев вслед за академиком

прошел в глубь лаборатории...

Где и увидел их...

Стеклянные гробы, в которых лежали люди.

Много гробов. Штук сорок, не меньше. И пустыми среди них были от силы штук десять.

Впрочем, не совсем так. Подойдя поближе, Андрей рассмотрел – в некоторых да, лежали люди, головы которых были опутаны проводами, а из вен на кистях рук торчали иглы, через которые по трубкам текла какая-то жидкость.

Но несколько гробов были заняты какими-то розоватыми куклами, лишь отдаленно похожими на людей. Даже у манекенов есть пальцы и намеки на черты лица. У розоватых кукол ничего этого не было. Четыре одинаковые сосиски прикреплены к туловищу там, где положено быть конечностям, а сверху – голова в форме гладкого шара. К которой, кстати, тоже подведены провода. И иглами с подведенными к ним трубками те куклы были утыканы гораздо более щедро, чем люди, лежащие в соседних гробах.

– Что это? – поморщился Краев.

И тут увидел Маргариту!

Девушка лежала в гробу, словно спящая красавица из сказки. От длинных ресниц на щеки падала легкая тень, водопад тяжелых золотых волос был аккуратно расчесан и уложен, прикрывая плечи. Одета она была в дурацкую больничную пижаму американского образца, белую в горошек. И, разумеется, провода на голове плюс иглы в руках имелись в наличии.

– Что с ней? – рванулся к гробу Краев.

Только сейчас, похоже, до конца понял он, что значит для него эта девушка. Когда увидел – и как по сердцу ножом резануло, значит, да, вот оно, в наличии. То самое чувство, про которое можно говорить красиво и долго, если умеешь. А когда не мастер языком чесать, когда на другое учился, то и говорить ничего не

надо. В глаза посмотреть достаточно, и сразу ясно, что ради этой девушки данный конкретный мужик готов и кулаками тот гроб разбить, не обращая внимания на разбитые в кровь руки, и грудью на пулемет пойдет, если это будет нужно.

Захаров посмотрел. И усмехнулся вторично, наклонив голову и спрятав улыбку в седые, аккуратно подстриженные усы.

– Не волнуйтесь, с ней всё в порядке, – сказал он. – По крайней мере сейчас. А принесли ее сюда, мягко говоря, в критическом состоянии. Думаю, еще полчаса, и мы бы имели дело с трупом. Тяжелые последствия аварии. Сильное сотрясение головного мозга, перелом руки и нескольких ребер, внутреннее кровотечение. Впрочем, сейчас ее состояние стабильное. Здесь, в Зоне, всё лечится гораздо быстрее, если знать как лечить. Я – знаю.

– Благодарю, – кивнул Краев, взяв себя в руки. – Я ваш должник.

Похоже, академик не врал. Если Андрея, матерого кабана, от удара об дерево вырубил нафиг, то много ли надо девушке? Хорошо, что хоть жива осталась.

– Что есть, то есть, – вздохнул Захаров. – Здесь у нас это называется Долг жизни. Почти священный закон, который не рискуют нарушать даже самые закоренелые преступники. Да и ускоренное лечение артефактами тоже стоит недешево...

– Сколько? – коротко спросил Краев.

Академик окинул Андрея скептическим взглядом.

– Подозреваю, молодой человек, что у вас и близко нет той суммы, которую может стоить подобная услуга. Но вы можете оказать услугу... хммм... мировой науке, за которую я спишу вам долг. Что скажете?

– Поконкретнее можно?

– Можно и поконкретнее, – хмыкнул ученый. – Грета, покажи нам Снайпера.

– Да, хозяин, – прозвучал откуда-то из-под потолка женский голос. Следом прямо на белой стене возник огромный экран, по которому в режиме проектора замелькали фотографии одного и того же человека.

– Грета есть не что иное, как искусственный интеллект, спроектированный мной и управляющий лабораторией, – пояснил Захаров. – С ее появлением я минимизировал количество сотрудников до нескольких человек, функция которых в основном сводится к тому, чтобы поболтать со мной, когда мне это будет угодно. Чисто развеять скуку. Люди несовершенны, как вы сами могли убедиться полчаса назад, когда легко и непринужденно нейтрализовали нашего торговца, принимающего хабар от местных сталкеров.

– Хабар?

– Ну, это наш местный сленг, – улыбнулся академик. – Означает то, что сталкеры добывают в Зоне.

Андрей не стал уточнять, что значит «сталкеры» и «Зона». В целом смысл понятен – и ладно.

– А это кто такие? – кивнул Краев в сторону кибов. – Боевые навыки у них явно получше, чем у вашего торговца.

– Так они и не люди, – пожал плечами академик. – Биологические роботы, полностью подчиненные мне и Грете. Фантастически удобные машины в плане обеспечения безопасности. Ни эмоций, ни сомнений, ни малейшей попытки подумать прежде, чем выполнить приказ.

– При выполнении боевой задачи подумать иногда не мешает, – заметил Андрей.

– Да полноте вам, – махнул рукой Захаров. – Основная и единственная задача любого солдата – выполнять приказ. На этом его функции заканчиваются. Думать должны командиры. Впрочем, давайте подискутируем на эту тему позже, если вы не против. А сейчас проясним ситуацию. Мне необходимо доставить сюда того человека, которого вы видите на фотографиях. Лучше, конечно, живым, но можно и мертвым. Исходя из его навыков второе вероятнее. Да и, наверно, безопаснее для всех нас. После этого я буду считать, что вы мне ничего не должны. Думаю, к тому времени, как вы вернетесь, ваша девушка уже

будет в полном порядке и вы сможете забрать ее с собой. Что скажете?

Краев внимательно смотрел на экран, на котором десяток снимков крутился в зацикленном слайд-режиме. Некоторые фотографии были четкими, но две – смазанными, причем, похоже, не от несовершенства фотоаппарата или навыков фотографирующего, а от скорости. Объектив не мог схватить этого человека в движении, настолько быстро он перемещался. Впрочем, какая разница, если на кону стояла жизнь Маргариты? Но всё-таки некоторые вопросы надо было уточнить.

– Голыми руками предлагаете его отлавливать?

– Зачем же голыми? – приподнял брови академик. – Пойдемте.

Идти пришлось недалеко. В другой конец зала, где расположилась открытая витрина с несколькими образцами оружия, весьма странного с виду. Захаров снял с подставки нечто, похожее на компактное ружье, плотно обмотанное толстым черным кабелем.

– Вот, рекомендую, – сказал ученый. – Генератор электрических импульсов. Создан на основе научного анализа действия аномалии «Электрод». Грубо говоря, стреляет искусственными молниями различной мощности. Слабый разряд парализует практически любой биологический объект, сильный же убивает, пережигая его нервную систему. Батареи хватает на двенадцать слабых выстрелов либо на три сильных. При этом длительность действия любого из разрядов стандартная, полторы секунды. Дальность выстрела пятьдесят метров. Вот, смотрите.

Захаров вскинул оружие, прицелился в кибов, стоящих возле двери, и выстрелил. Раздался треск, из ствола ружья вылетела длинная молния, протянувшаяся через весь зал. Она коснулась одного из охранников, и тот, корчась, повалился на пол. Но на этом дело не кончилось.

Академик повел стволом влево, молния сместилась, и второй киб рухнул как подкошенный. За ним – третий...

До четвертого дело не дошло. Молния исчезла.

– Примерно так, – сказал Захаров, опуская ствол. – Да, регулятор мощности в крайнее нижнее положение лучше не переводить. Это оружие последнего шанса, мгновенно опустошающее батарею. Порождает смертоносную, но кратковременную волну энергии, уничтожающей перед собой всё живое.

– Годится, – кивнул Андрей. – Кстати, не расскажете, что случилось с тем, кто пытался поймать этого снайпера до меня?

– Он погиб, – невозмутимо ответил академик. – И это отчасти моя ошибка – послал на задание не слишком хорошо подготовленный объект.

– А я, стало быть, объект подготовленный? – хмыкнул Краев.

– Судя по вашим действиям, вполне, – проговорил ученый. – Ну что, берете генератор?

– Конечно, – отозвался Андрей.

Приняв оружие из рук Захарова, Краев придирчиво осмотрел его. Ничего сложного. Магазин в виде батареи, двухпозиционный переключатель режимов огня, обычный с виду спусковой крючок, коллиматорный прицел, складной спортивный приклад, индикатор заряда.

Осмотрев, Краев вскинул ружье и потратил еще один заряд на оставшихся трех кибов, которые даже не дернулись – видимо, академик и его Грета предвидели такое развитие событий. Понятное дело, что любой спецназовец просто обязан испытать оружие лично перед тем, как идти на задание. Впрочем, от внимания Андрея не ускользнуло движение двух панелей на потолке, сдвинувшихся на несколько сантиметров от первоначального положения. То есть реши он повернуть ствол в сторону академика, понятно, чем это закончится.

– Кстати, а почему бы кибов не послать на это задание? – поинтересовался Краев.

– Вы беретесь за задание или нет? – несколько раздраженно спросил Захаров, проигнорировав вопрос.

– Да, – просто ответил Андрей. – У меня тоже закон есть – спецназ своих не бросает, так что свою девушку я спасу любой ценой. Где мне искать этого вашего снайпера?

– Особо искать и не придется, – сказал академик. – Он сейчас примерно в трех километрах отсюда и довольно быстро приближается к нашему научному комплексу. Так что ваша задача не столько найти объект, сколько грамотно встретить. И доставить сюда.

– Принято, – сказал Краев.

– Вдобавок к генератору вы получите рацию для прямой связи со мной, – сказал Захаров. – Кстати, какой у вас позывной?

Андрей задумался на мгновение. Его реальный армейский позывной остался там, в другом мире. И не нужно его знать гражданским, просто ни к чему...

– Охотник, – произнес Краев.

– Что ж, в тему, – кивнул академик. – Кстати, у вас небольшое ранение руки. Вас сейчас перевяжут. Профессор Шаров, займитесь.

Где-то в недрах помещения немедленно хлопнула дверь, и спустя несколько секунд из-за огромного агрегата, высотой чуть не до потолка, вышел тот самый тип в оранжевом костюме. Новом, без резаной дырки возле горла.

Увидев Андрея, он остановился в нерешительности. Похоже, не ожидал увидеть здесь того, кто его чуть не убил.

Видимо, тут за гораздо меньшее принято скармливать нарушителей спокойствия кибам на завтрак. А тут – исключение.

– Не бойтесь, профессор, – усмехнулся Захаров. – Теперь Охотник работает на нас. Перевяжите его и выпустите в Зону через северный выход.

– Есть перевязать и выпустить через северный выход, – недовольно буркнул человек в оранжевом костюме.

...Когда профессор и Краев вышли из помещения, Захаров повернулся к автоклаву с девушкой и задумчиво произнес:

- Грета.

- Да, хозяин, - немедленно отозвался голос из-под потолка.

- Когда профессор Шаров выбросит окровавленные тряпки этого типа в утилизатор, не сжигай их, а проведи тщательный анализ крови по всем существующим параметрам. Интуиция мне подсказывает, что это не просто богатенький турист, заблудившийся в Зоне на своем автомобиле.

- Конечно, хозяин. Я постараюсь сделать всё как можно быстрее.

...Через двадцать минут искусственный интеллект лаборатории вывел на большой экран результаты анализа крови Андрея Краева, который уже ушел в Зону выполнять задание академика. Захаров начал читать, машинально взялся за свою бороду - и не отпускал ее до тех пор, пока не пришел в себя от боли в подбородке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Подробнее об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Кровь Охотника».

Подробно о столкновении Снайпера с копиями Призрака и Клыка можно прочитать в романах Дмитрия Силлова «Закон Призрака» и «Закон клыка».

Купить: https://tellnovel.com/sillov_dmitriy/zakon-ohotnika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)